

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

A woman with long brown braids, wearing a white dress with red embroidery and a red headband, stands in a forest. Behind her is a man in medieval armor, including a red tunic and a metal breastplate, holding a sword. The background is a lush green forest with sunlight filtering through the trees.

Пламя моей души

Елена Сергеевна Счастливая
Пламя моей души
Серия «Сердце Лады», книга 2

Текст предоставлен издательством

Пламя моей души:

Аннотация

Судьба Елицы сплетается тугим узлом с судьбами княжичей – и не отринуть, не сбежать. Зазывает в жёны Чаян, да душа всё пытается разгадать младшего его брата Ледена, который близко, но и далеко от неё. Оборачивается враждой кровная связь, становятся чужими отчие дома. Разгорается пожар со всех сторон. А нить, ведущая к Сердцу, путается в чащобе прошлого, что хранит давние тайны. Где найти силы одолеть недолю и понять, чего на самом деле желает собственное сердце?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Глава 3	62
Глава 4	89
Глава 5	113
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Елена Счастливая

Пламя моей души

Глава 1

Весть о смерти Светояра, видно, сильно подкосила обоих братьев. Елица и не видела их больше ни разу в тот день, как гонец из Остёрска прибыл. Услышала только от Веи, что случилось – и не поняла даже, как к тому относиться. Теперь, получается, кто-то из них князем станет, а значит, противиться им и свободу свою, пусть и столь зыбкую, удержать ещё сложнее окажется.

Не попались они и на другое утро, не вышли даже в гридницу – Елица Миру отправила проверить, покуда сама в трапезной сидела вместе с Зимавой и Вышемилой, которые тоже как будто поникли – молчали всё и переглядывались порой. Только на лице княгини то и дело мелькал свет предвкушения. Уж она много сил потратила, чтобы Чаяна к себе привязать, чтобы привык он к ней и подумывать начал о женитьбе. А тут уж сразу и князь: вече решать станет, но и так понятно, что он старший – и наследство, стало быть, его. Оттого-то, верно, и заходило сердце Зимавы: то бледнела она, то румянцем заливалась от каких-то только ей известных мыслей.

И напряжённно так становилось во всём детинце, словно воздух комками скатывался. Мира всё ж разузнала, что Светоярычи отбыли оба в своё становище – верно, до самого вечера там пропадут. И никто из них не захотел Елице хоть что-то сказать: чего ждать теперь, да когда к отъезду готовиться.

Пытаясь унять тревогу, что нарастала тем сильнее, чем дольше хранили братья молчание, Елица решила к Вышеми-ле сходить: время скоротать за рукоделием, а то и поговорить о чём-то. Боярышня встретила её приветливо, словно ждала давно. Отложила в сторону бисер, которым расшивала широкую тканую ленту и поднялась с лавки, раскрывая объятия, будто и не встречались нынче утром. Никогда они с Вышемилой не дружили раньше: та, как Елица замуж собиралась, ещё маловата была, и ничего их не связывало. А тут хоть одна душа в этом доме ей, кажется, искренне рада.

– Как ты, Мила? – Елица присела рядом с ней и опустила взгляд на вышивку.

Ровная и красивая: бусина к бусине. Никак приданое себе боярышня готовит. В таком очелье и княгине на люди показаться не зазорно. Девушка заметила её интерес и улыбнулась загадочно, но ничего об украшении говорить не стала.

– Тело зажило давно, – сказала, снова помрачнев. – Кто бы память мне залечил теперь... Я ведь их рожи до сих пор едва не каждую ночь вижу. Только... Только когда он рядом, так и легче становится. Он ведь... всех нужнее мне. Понимаешь?

О ком говорит, и кумекать долго не нужно – и так понятно. Да как будто имя его боярышня даже произнести боялась – кабы Зимава не услышала вдруг. И может, хорошо, что в Ледене она отдушину нашла – хоть и опасно это для неё, а вернее, для сердца девичьего, которое любви жаждет. Елица задумалась на миг, что её-то обиду душевную некому излечить. Хоть и знает Чаян – догадался – что Гроздан с ней творил в Зуличе, а раскрываться перед ним ещё больше не хотелось. Пыталась и Вея поддержать, да слова её всё как-то мимо проходили. Одно утешение давало: что удалось уберечься, не понести от княжича. Иначе совсем худо пришлось бы.

– Что же, тех татей ещё не нашли? – Елица мягко пожала руку девушки, отвлекаясь от своих мыслей.

Та вздохнула, покачав головой.

– Не нашли. Следы их на большаке затерялись. Только на том месте, где всё случилось, мои обереги отыскиались. Я и не сразу вспомнила о них, представляешь? А тот тать, что старшим мне показался, гривну мою сломал, когда я отбивалась. Одного оберега не хватало. Вот думаю, может, он забрал. Говорят, такие любят на память себе что-то оставлять.

Вышемила невесело усмехнулась, а после провела пальцем по новой серебряной гривне, что висела на её шее: ровная, витая. Сразу видно, что не из отливки сделана: по три прутика друг с другом свиты, а после ещё три сплетённых – между собой. На гривне висели все обереги боярышни. Она

выбрала один, подхватила на ладонь: лунница с зернью и узорами тонкими.

– Леден подарил? – спросила Елица – и сама испугалась.

И с чего взяла, что он? Но почему-то именно эта мысль пришла в голову первой – и тут же вырвалась наружу вопросом. Она прикусила губу, ожидая недоумения, а то и лукавой насмешки Вышемилы, но та только потупилась и накрыла оберег ладонью, прижимая к груди.

– Леден, – произнесла она его имя так, что аж в горле что-то замерло. – И гривну новую – он. Только Зимаве не говори.

– Не скажу, – Елица погладила её по плечу.

Княгиня и так всё поймёт рано или поздно. А она не хотела больше ни в чём девушку упрекать. И напоминать, что Леден – не друг никому здесь, не тот, за кого замуж надо собираться. Многие менялось прямо на глазах, как очертания облаков в небе. Да и, видно, Вышемиле ничего уже не толкуешь. Но отчего-то разлилась в груди смутная горечь. Словно на миг тяжело дышать стало. И взгляд сам собой всё возвращался к луннице, что поблескивала на витом обруче, который обхватывал стройную шею боярышни.

Да вдруг вспыхнуло что-то в памяти смутное – не разберёшь поначалу. Как будто укололо. Елица осторожно взяла пальцами оберег и приблизила лицо.

– Говоришь, такого оберега не хватало на сломанной гривне?

Она подняла вопросительный взгляд на девушку, которая

уж было и снова за рукоделие взялась, перекатывая в мелкой мисочке блестящие бисерины. Та посмотрела на неё недоуменно и кивнула, словно подумала в этот миг, что Елица разом поглупела. Она встала порывисто, разом позабыв о намерениях, с которыми сюда пришла, и, распрощавшись покамест с Вышемилой, выбежала вон. Спустилась во двор и пошла было к княжескому терему, да вспомнила, что Свето-ярчей там нет. Ждать придётся.

Словно на иголках сидя провела она весь день до самого вечера. И выглядывала, постоянно отвлекаясь от тканья, во двор, надеясь увидеть там признаки того, что братья возвратились. А после слышала, как темнеть начало, отдалённый топот копыт и оклики тихие, сердитые. Приехали, стало быть. Да не в духе.

Она быстро закончила работу и, оставив Вею в светлице – завершать сегодняшний урок, вновь направилась через двор, в горницу Отрада. Только и успела почувствовать, как мазнул по щекам запах разогретых на солнце цветов поздней яблони – и вспомнила вдруг на миг, как намеренно гуляла в саду с Чаяном. Многого княжич себе не позволял, но так и тянул руки – дотронуться невзначай. Но Елица сторонилась всё: от мысли о любой близости с мужчиной аж внутри всё переворачивалось и колом застывало. Княжич, кажется, понимал и терпел. Да только надолго ли его хватит?

Она прошла по полутёмному, усыпанному пятнами теней и света переходу да скрылась в тереме, пропитанном как буд-

то насквозь мужским духом. Сразу понятно, что не женщины и девицы здесь живут. Распахнула она дверь горницы, только краем разума успев подумать, что надо было, верно, постучать наперёд. Леден обернулся к ней – и по лицу его пробежала как будто тень разочарования. А от чего – то пойдй разбери. Может, не её ждал?

– Здрав будь, Леден, – Елица остановилась в нескольких шагах.

Так лучше, спокойнее, ведь когда он совсем близко – душа словно на части рвётся: от необходимости держаться на расстоянии и от желания одновременного придвинуться. Но неправильно это, нечестно – не должно такое чувствовать рядом с тем, кто жизнь твою едва до основания не разрушил.

– Поздорову, княжна, – холодно и ровно бросил он. – А Чаян как раз за тобой посылать хотел. В путь нам собираться надо. В Остёрск. А там, как решится всё с княжением, за Сердцем вновь отправимся.

Она и позабыла на миг, зачем пришла. Вот так вот решили всё между собой, а ей только за ними тащиться и остаётся.

– Я знаю, кажется, кто Вышемилу ссильничал, – выпалила она быстро, боясь, что рвение братьев покинуть детинец сметёт её, раздавит, и всё остальное окажется неважным, потонет в глубинах памяти, отложенное на потом.

Леден так и замер, вцепившись в застёжку широкого и красивого пояса, унизанного серебряными чеканными бляшками, на который Елица обратила внимание ещё в

первую встречу с княжичем. Он вновь повернулся медленно, а по губам его пробежала гримаса решимости, словно он тотчас же готов был бы кинуться на расправу с супостатом.

– Кто он? Из наших кто? Как узнала? – посыпались вопросы, словно осколки льда – только рукой от них и загроживать.

Елица отступила даже – настолько большая недобрая сила норовила сейчас сбить её с ног.

– Когда я в Зуличе была, – начала она, сглотнув сухой комок в горле, – встречала там одного кметя. Или наёмника, не знаю. Он в ближней дружине Гроздана был. Зовут его Камян. Похож он на того, кого Вышемила описывала. И на гривне его я видела женский оберег. Такой же, какой пропал в тот день у неё.

И самой аж липко и мерзко во рту стало от понимания, какой нужно быть мразью, чтобы у девушки, которую ты силой взял, боли столько ей причинил и отдал на растерзание своим подручным, ещё и оберег забрать на память. Видно, Леден подумал о том же – таким неподвижным стало его лицо.

– Я встречусь с ним, обязательно, – проговорил он глухо. – Только сейчас не могу себе позволить в Зулич ехать. Но после – кишки ему вырву.

– Надеюсь, что так и будет, – Елица потупилась, робея под его тяжёлым взглядом.

Словно в этот самый миг он уже представлял, как будет

вспарывать Камяну брюхо.

– Кровожадная ты, княжна, – усмехнулся Леден, но его лицо снова стало серьёзным. – Он тебе-то ничего не сделал?

– Нет, – ответила она поспешно.

И это, видно, всколыхнуло в княжиче большое подозрение. Он подошёл в два широких шага. Коснулся пальцами подбородка – и Елица подняла на него взгляд, стараясь ничем не выдать той бури неприятных воспоминаний, что поднялись изнутри, стоило только снова о Зуличе заговорить.

– Точно? – спросил так, будто ранку скосырнул. – Вы что-то скрываете от меня с Чаяном, вижу. Не лги мне, Еля.

Ну, вот опять. Полоснуло по сердцу жгущей болью, стиснуло грудь негодованием и страхом – от того, что не должен он так звать её. А как звучит его голосом это короткое имя, которым отец назвал в детстве, брат да Радим потом – люди самые близкие и любимые – так слушать хочется снова и снова. Склонилось его лицо ближе, повеяло от губ лёгкой прохладой, как и от руки его. Уже привычной, почти ласковой.

– Тебе какое дело, что со мной там случилось? – Елица отшатнулась, боясь, что сейчас, в этот миг разверзнутся где-то внутри него врата в Навь, и снова хлынет жизнь туда, без надежды на возвращение.

– Есть дело, коли спрашиваю, – огрызнулся в ответ Леден.

Елица развернулась и пошла прочь: сказала ведь всё, что хотела. А остальное – это уже ненужное, пустое. Игра крови

и воображения.

Быстро разнёсся по детинцу приказ Чаяна собираться в дорогу. Забирали братья с собой большой отряд воинов: путь неблизкий впереди. Оставался снова за старшего воеводу Буяр, а из становища ещё кмети в городские стены перебрались. И тогда почувствовала Елица остро, что прорастают Светоярычи здесь корнями гораздо сильнее, чем ожидать можно было. И никто тому особо не противится. Кажется, даже велеборчане уже привыкли.

В ночь перед отбытием поднялся страшный ветер, зашумел в ветвях, захлопал где-то неплотно прикрытыми дверьми. Показалось даже, крыши рвать начнёт: до того угрожающе всё плоскрипывало и погромыхивало со всех сторон. Недобрый знак, казалось бы: гневился Стрибог, натравливал своих внуков на хрупкое людское жильё – и стонали яблони в саду от их ударов. В хоромине сразу холодно стало; Елица лежала под сшитым из лоскутов одеялом и подумывала даже взять шкуры – зябь неприятная пробирала, проносилась по открытой коже. Но скоро она всё ж уснула, словно колыбельной, убаюканная голосом наступающей непогоды.

А наутро ожидаемо затянуло ясное небо нечёсаными, свалеными в огромную кошму тучами. Погасли последние лучи Дажьбожьего ока, увязнув в плотной трясине их, и наполнился воздух предчувствием дождя. Беспокойно поднимали кмети взоры к хмурому небу, ожидая, верно, что скоро понесётся Перунова повозка, загремит – да и ливень хлынет,

а там уж какая в такое ненастье дорога. Но хляби молчали, угрожающе нависнув над крышами терема, почти цепляясь за них – и сборы продолжались. Не рассеялись ещё последние сумерки, продлённые тем, что заря утонула в непроглядном мареве – и все, кто выезжать должен был, собрались во дворе.

Вышла провожать Чаяна Зимава, более не стесняясь никого, не страшась новых сплетен, что и так били её хлыстом людского неодобрения постоянно. Обнять княжича хотела, да тот так хитро извернулся, что и в руки её не попал, и не дал повода ей краснеть от неловкости. Елица, что неподалёку от него стояла, готовясь подниматься в седло, услышала лишь, как сказал Чаян княгине:

– Как доберусь в Остёрск, готовься с сыном встретиться. Там, где условились.

Зимава и осерчала на него, кажется, за сорванные обьятия, но охолонула вмиг, провела по его груди ладонями и ответила что-то, склонившись к уху. Елица и заметила, как коснулась она всё ж могучей шеи княжича губами. А тот дёрнулся отстраниться и на неё посмотрел коротко. Зимава увидела – и лицо её сделалось будто изо льда вырубленным. Но всё ж легче было на разгневанную княгиню смотреть, чем на то, как Вышемила с Леденом прощается. И хоть робела боярышня под строгим взором сестры да Эрвара, который наблюдал за всеми с высокого крыльца, а веяло от каждого её движения и тихо сказанного слова бесконечной нежностью

и тайной, что между ними с княжичем зародилась.

Как уселись все наконец на лошадей, первым выехал из ворот Чаян, после Елица, а вслед за ней – Леден. Так уж условились, будто боялись, что она по дороге внезапно сбежать задумает. Но нет, теперь понимала она, что лучше уж под присмотром братьев быть – они меньшее лихо из тех, что поджидать могут. Скоро минули посад и весь, что недалеко от стен раскинулась. Проплыло в стороне дымящее кострами становище – туда и заезжать не стали.

Всю дорогу до первого привала Елица чувствовала на своей спине пытливый взгляд Ледена. И всё хотела обернуться, да не решалась.

Закончились обширные палы, потонули среди бескрайних лесов, то светлых, приветливых, то смурных, что взгляд отшельника. Но всё ж родные это были места, знакомые. Хоть раз, бывало, но проезжала этими дорогами Елица вместе с отцом или братом – по делам важным, чтобы не засиживаться в детинце. Но теперь лежали впереди земли чужие и враждебные, как казалось с самого детства. И жили там едва не чудовища: голос обиды застарелой редко когда бывает справедлив.

Мелькали веси и города вдоль большака, что вёл на юго-запад, то и дело пуская в стороны ростки более мелких дорог. Попадались навстречу богатые и скромные купеческие обозы: самое время теперь торговать – и многие из них ехали в Велеборск.

Однажды только остановились надолго в крупной веси Калиногосте, что лежала уж совсем близко от Остёрских земель: телегу обозную понадобилось смазать, да лошадь у одного кмета переменить. Охромела вдруг. Хотя и можно было за оставшееся время проехать ещё с полдесятка вёрст и добраться до небольшого селения, что чуть западнее лежало, а Чаян приказал становиться тут: и место удобнее, и избы побольше. Велел даже Брашко и своему отроку Радаю справиться для всех бани: у старейшин здешних да жителей попросить вежливо. Погода после недолгого хмаристого ненастья, что то и дело громыхало вдали грозами, встала дюже жаркая, совсем по-летнему. Расходилась буйством к Ярилину дню, аккурат к которому и должны были до Остёрска добраться. Разбрелись кмети по веси: кто на торг местный заглянуть, раз оказия случилась, кто до речки сходить – неспешной и глубокой Калинки, проверить, насколько студёна да можно ли купаться, а кто и за понятным делом – с девицами здешними познакомиться.

Кому забава, а Елице пришлось к старосте здешнему идти: договариваться, чтобы при встрече с княжичами сильно-то брови не хмурил. От того только хуже станет. Тот пожевал губами недовольно, но пообещал стычек с остёрцами не устраивать попусту. А то и встретить их, как подобает.

Потому-то вечером, как нагулялись парни по окрестностям, попарились от души в баньках – сил понабраться перед другой половиной дороги – созвал всех староста Алкун

у себя. Да не просто так, оказалось: повод у него случился добрый – внучка родилась не далее как два дня назад. Большая у него изба была: раньше всей семьёй в ней жили, пока дети не разлетелись птахами по своим домам, не обзавелись отдельным хозяйством.

Огромная Божья ладонь уместила всех гостей. Окутала печка-каменка старая, да хранящая самое доброе тепло, уютом. Княжичей усадили на места почётные: поближе к ней. Елицу тоже устроили хорошо, хоть и не так, как хотелось бы – подле Ледена. Выкатили пиво из закровов: мёд, как при княжеском дворе в простых весях, посчитай, водился не так часто. Да и без браги не обошлось, конечно. Засновали кругом девицы, нарочно призванные от соседей, чтобы воинам когда хмельного подлить, принести полные братины, коль опустеют, или посуду ненужную убрать.

Девушки, хоть и помнили, верно, что сидят за столом всё больше остёрцы, а всё равно удержаться не могли против того, чтобы то и дело обратить на кого из них лукавые взгляды. Свои-то парни, небось, надоели до оскомины, знакомые с самого детства, едва не кровь одна.

Вея, что рядом с Елицей сидела, вздыхала всё укоряюще, наблюдая за тем, как девушки вертят перед кметями нарядно вышитыми, точно на праздник, подолами, да прикладывала руку к груди, как проносился по хоромине зычный молодецкий хохот, вызванный очередной басней, рассказанной кем-нибудь и воинов.

Елица их почти не слушала: все они одинаковы. Что в гриднице детинца, что за столом в избе старосты: похвальба одна да порой случаи похабные, от которых у калиногосток даже кончики ушей краснели, если удавалось самое интересное услышать.

Скоро Вея позвала и спать идти – засиделись, а на рассвете уже вставать. К тому времени мужи захмелели совсем, даже взгляд старосты Алкуна подёрнулся мутной пеленой, хоть и жена посматривала на него строго. Да тот отмахивался всё, огрызаясь и повторяя каждый раз всё более растянуто и зло: – У меня ж внучка родилась намедни, – будто этого за сегодняшний вечер ещё никто не слышал.

Наперсница проводила Елицу до гостинной избы и оставила одну. Сама пошла помогать на пиру хозяйке: унимать раздухарившихся мужей и драть косы совсем уж опьяневшим от их внимания девушкам, которых те уже начали усаживать себе на колени. Да сна что-то нынче не было ни в одном глазу. Накатили вдруг мысли о том, что скоро, в Остёрске, встретится Елица и с братцем Радимом, по которому не слишком, признаться скучала – ведь не видела его, посчитай, всё то время, что он рос – но за жизнь которо чувствовала постоянную ответственность. Хоть и смягчился, кажется, Чаян, разрешил Зимаве с ним повидаться: как раз на этом вот погосте, как узнать удалось. Она посидела в одиночестве, глядя на догорающую понемногу лучину и слушая треск дров в нежарко растопленной печи. Пыталась предста-

вить, что дальше будет, да раз за разом понимала, что угадать это решительно невозможно: уж столько раз жизнь ей то доказывала в последние луны.

Решив, что так только измается, Елица вышла в сени и встала на пороге: вечерним воздухом подышать, да послушать, как заливается соловей в зарослях черёмухи. Зазвучали вдалеке, приближаясь, тихие ещё голоса. Видно, кмети уже возвращались: у многих хватило разумности не засиживаться до утра, не терзать вынужденно гостеприимных хозяев излишней навязчивостью. Они прошли небольшой толпой впереди, в нескольких саженьях от избы: пошатываясь и гогоча то и дело над неловкостью кого-то из товарищей. Но отделился от гурьбы один – и в сторону Елицы направился. Та и попыталась укрыться в тени сеней, да, видно, всё равно тот её заметил. А через мгновение узнала она Чаяна.

Неверные шаги выдавали, как сильно он захмелел. Пожалуй, первый раз приходилось видеть его таким. Но зато шёл он по точно намеченному пути – а зачем, об этом только и гадать оставалось. Пожалуй, и дверь не убережёт, коли прорваться захочет. И где же запропастилась Вея?

Елица уже метнулась было в избу, не на шутку испугавшись, что в голову княжича сейчас может прийти что худое. Но неведомо как он нагнал её у самой двери.

– Постой, – прошептал жарко, обнимая поперёк талии и прижимая спиной к своей груди. – Постой...

Припал губами к шее, обдавая чуть кисловатым запахом

пива, провёл ими вверх да мочку уха прикусил слегка.

– Пусти, Чаян, – попыталась вывернуться Елица. – Дурной ты сейчас. Наутро жалеть станешь.

Княжич хмыкнул, уткнулся лицом в её распущенные перед сном волосы, втянул запах, зарылся неспешно пальцами в волнистые пряди. Простонал тихо – даже у Елицы всё внутри дрогнуло от звука этого, пронизанного мучением. И в этот самый миг поняла она, как сильно он жаждет её, и как тяжело приходится ему, когда сдерживаться нужно.

– Приеду в Остёрск, невестой своей нареку, – зашептал он почти безумно. – Плевать, что вдовая. Не бойся, Елица, я говорил тебе, что не возьму, пока сама не захочешь. Но сделаю так, чтобы ты захотела.

Рука его стальным кольцом сдавила поперёк груди. Прижались бёдра тесно, а губы так и зашарили жадно по шее, скулам – да Елица отворачивалась, цепляясь всё за ручку двери и пытаясь открыть её, чтобы внутри укрыться. От него, но и от себя тоже – страшно становилось, хоть прикосновения Чаяна не были грубыми и резкими, как те, которыми Гроздан не раз одаривал. Прошлась тяжёлая ладонь по ягодицам вниз, отделяя на миг от его наливающегося горячей твёрдостью паха.

– Пусти, тебе говорят! – она со всего размаху наступила ему на ногу.

Чаян охнул, слегка скособочившись, но покамест не отступился, продолжая мягко теснить её к бревенчатой стене

и гладить уже между ног, пока ещё сквозь ткань.

– А ну отойди, дурень! – прогремело вдруг ещё со двора.

Громкие шаги – и гневное дыхание где-то рядом. Чаян качнулся назад, размыкая объятия, будто за рубаху его кто рванул. Елица прижалась лбом к бревну, судорожно поправляя развязанный им ворот, что уже съехал с плеча. Подняла упавший на пол платок. Обернулась – и встретилась взглядом с Леденом, который и правда держал брата за шиворот. И с укором таким смотрел на неё, словно уж в постели их застал. Чаян вырвался и одёрнул рубаху, гневно, да не слишком-то, на него поглядывая.

– Чего нос свой суёшь, куда не следует? – огрызнулся уже осмысленней, словно протрезвел слегка. – Кто тебя просит?

– Да тебя, беспутного, одного оставь, так ты дел натворишь, – младший отряхнул ладони, словно замарался. – Чего к княжне попёрся? Неужто силой хотел взять?

– Не хотел, – Чаян посмотрел на неё хитровато: почувствовал! Почувствовал, что уже начала она поддаваться – на волосок, может, но всё же. Глянул – и снова серьёзным стал. – Я не Гроздан. Я обещание давал.

Он опять разгладил рубаху и пошёл прочь, всё ещё слегка покачиваясь. Леден проводил его взглядом и вновь к Елице повернулся.

– Стало быть, скрывали от меня всё ж. Так и думал, что паскуда эта зуличанская не удержится.

– Что было, то прошло, Леден, – Елица улыбнулась горь-

ко. – И хорошо, что так. Что хуже не обернулось.

Княжич опустил голову и посмотрел исподлобья. Сжал пальцами пояс свой знатный – да так сильно, что костяшки побелели.

– Трудно с тобой, Елица, – он отступил на шаг, словно стену между ними выстраивал. – Головы дуришь похлеще мёда. Чаян ведь не такой. Никогда даже по пьяни против воли девиц под подолы к ним не лазил. А с тобой...

– Тебе чего бояться? – усмехнулась она, сжимая у шеи концы платка, который на плечи снова накинута.

– Нечего, верно, – бросил княжич и ушёл тут же вслед за пропавшим уже из вида братом.

Елица выдохнула, показалось, первый раз за всё то время, что он смотрел на неё. Ещё долго стояла она в сенях, не в силах отойти от стены, к которой спиной прижалась, словно к опоре единственной. Страшно, признаться, становилось. От силы страсти, которая толкала нынче Чаяна накинуться на неё. От нарочитого холода Ледена, что, как будто, слегка отступив, с каждым днём теперь становился всё более лютым.

Но понемногу успокоилось внутри смятение, что подняли, словно муть с илистого дна, братья Светоярычи. И доколе они будут терзать её: вниманием своим и недомолвками? Стало быть, точно решил Чаян жениться – как бы вразумить его теперь? И как понять, где верный путь? Может, и правда – под защитой его? Ведь не зверь, не чудовище, каким воображение его рисовало до встречи. Уж лучше Гроздана – а

тот, может, ещё и не оступится, вновь за своё примется, как рану залечит.

Лился запах расцветшей липы в сени, успокаивал, словно отвар горячий, который перед сном пьют. Елица наконец вернулась в избу, дождавшись, как стихнут совсем голоса кметей, что в соседних избах на ночлег устроились. Скоро вернулась Вея – и по виду её сразу поняла, что случилось что-то. Села напротив за стол, посмотрела спокойно и внимательно.

– Скоро решится всё, – сказала тихо. – Закончатся твои мытарства.

– Вот уж не знаю, – Елица пожала плечами, медленно смахивая с Божьей ладони несуществующие крошки. – Он говорит, я мёда хмельного хуже. Будто я виновата, что некоторые мужи кровь свою унять никак не хотят, что от головы у них отливает, да бьёт не в то место.

И до того это зло прозвучало, что и самой впору подивиться. Другие девушки, может, и рады тому были – а ей скинуть бы это всё поскорей, как путы.

– Кто сказал-то? – Вея чуть склонилась над столом, заглядывая в лицо.

Елица вскинула голову, не поняв сначала вопроса: мысли разбегались всё куда-то.

– Леден.

Наперсница усмехнулась, встала и пошла к своей лавке, на ходу развязывая повой. Оглянулась через плечо на Елицу,

которая так и ждала от неё хоть каких-то слов, от которых стало бы легче и прояснилось бы что в голове.

— А то ты глупая, не понимаешь, — она покачала головой, укоряя. — Даже толстый лёд тает, коли его долго тёплым мёдом поливать.

Больше ни о чём они говорить не стали, а Елица так и уснула с мыслями беспокойными.

Отночевали в Калиногосте, собрались в путь дальнейший с больными головами многие. Мужички поутру всё у бочек с водой толклись, умывались, сбрасывая остатки хмеля. Друг у друга спрашивали, не пришлось ли натворить каких глупостей спьяну. Но раз не пришли здешние мужики к гостинным избам с кулаками да топорами — никаких девок они ночью не попортили и буйств не учинили.

Елица с Веей наблюдали за ними без сочувствия — с насмешкой незлой. До того забавно они выглядели, словно с дуба высокого желудями попадали только что — да не могли теперь в толк взять, как тут оказались да зачем.

Пришёл староста Алкун, гостей дорогих и не очень провожать — и на его лице лежала тоже нынче печать беспокойной ночи. Вышел к нему Чаян — вот уж по кому нельзя было сказать, насколько сильно вчера хмель ударил ему в голову. Выглядел княжич таким же, как и всегда. Они о чём-то тихо поговорили со старостой в сенях. И Елица даже догадывалась, о чём. Но смотрела на них вполглаза, перебирая неизвестно зачем вещи в седельной суме и ожидая, как выйдут уже

во двор все.

Но Леден появился последним, когда все уж ждали его в сёдлах – оттягивал этот миг. И лишь потом, в дороге, Елица услышала от Брашко, что спал он сегодня снова паршиво. С каждым таким днём отрок всё больше пугался, что однажды он и вовсе не проснётся, потонет где-то в недрах своих кошмаров.

И услышав это, Елица теперь каждую ночь, что ещё остались до Остёрска, просыпалась – всего на миг распахивала глаза и слушала тишину вокруг, боясь услышать в ней хоть что-то, что сказало бы о том, что с Леденом снова случился его недуг. А после засыпала.

Как миновали по добротному мосту неширокую и мелкую, почти как ручей, реку, земли Велеборские закончились. Начиналась теперь неприятельская сторона. Подобрались кмети, чуя скорое возвращение домой, посмурнела Вея, опасаясь, что Елицу не ждёт здесь ничего хорошего.

Пока ехали по хорошо прибитой колёсами и копытами дороге к Остёрску, Елица всё высмотреть пыталась в тех весях, которые на пути попадались, знаки того, что люди здесь бедствуют. И находила: ведь при должном рвении даже воображение станет подкидывать разуму то, чего, может, и нет во все. Да только казалось ей, что избы в Велеборском княжестве добротнее, дворы шире, лядины зеленее от всходов. И люди – беззаботнее, хоть, как погиб Борила, всё равно радости среди них поубавилось. А как косяки начали буянить –

так и вовсе.

Ожидала увидеть Елица большие невзгоды, разруху и голод – всё, чего не увидела – а вот от вида Остёрска даже оробела, признаться. Был он старым: верно, самый первый город, что на землях этих отстроился. Тёмные, почти чёрные стены протянулись в стороны неведомо насколько, может, и на несколько вёрст: с той дороги, что лежала среди богатого дубового бора, не видно было её границ. Покоился, захваченный огромной его пастью берег реки Острицы внутри, а на спускающемся с холма лугу рассыпаны были избы ближней веси. Огромные, словно утёсы, башни нависали над дорогой, надо рвом и насыпями у стен – и мелькали в бойницах светлые фигурки стражников. Вновь оскудевшее светило лениво скользило лучами по крышам и брёвнам, по пыльной полосе большака. Стелилась волнами короткая трава по сторонам, обрамляя покрытые нежной зеленью молодых всходов нивы.

– Что ты, княжна, думала тут избу кособокую увидеть? Вместо города-то? – колкая насмешка в голосе Чаяна выдержала Елицу из любования грозным видом Остёрска.

Она повернулась к нему слегка, посмотрела искоса. Княжич улыбался сдержанно, а как встретились они взглядами, так и вовсе засиял, что ковш латунный, начищенный.

– Нет, не избу. Пару изб хотя бы.

Княжич покачал головой, тихо засмеявшись, оглянулся на брата, что чуть позади него ехал.

– Слыхал? – окликнул его. – Пару изб. Ладно хоть так.

Младший только фыркнул, на Елицу и не посмотрев даже. Скоро застучали копыта по толстым брёвнам моста, посыпался мелкий мусор в ров. Подле него торговали здесь не так бурно, как в Велеборске или даже Лосиче, но и тут торговцы норовили едва не за подол схватить, чтобы на их товар внимание обратили. Нависли ворота над головой, а с них смотрел вниз, на всех гостей – с добрыми, злыми ли помыслами – белёсый череп тура. Совсем как дома. Проезд через стену был устроен в Остёрске хитро: не одни ворота здесь были, а двое, с внешней стороны толстенной стены и с внутренней. То для неприятеля, кто посмеет на город напасть, очень неприятной неожиданностью может оказаться. Прорвёшься в одни – и зажмут в нешироком проходе – перестреляют даже малым числом защитников, пока толчёшься и пытаешься дальше проскочить. Похоже, много заковик хранил в себе древний Остёрск – знать бы, какие из них самые опасные.

Посадские явно радовались возвращению братьев-наследников. Приостанавливались на улице – пропустить и посмотреть на них, задрав головы – приветствовали выкриками. Девушки махали руками то ли Светоярычам, то ли воинами их, что позади ехали. А как замечали люди Елицу, так и вовсе гомонить принимались без умолку да и откровенно громко вопросом задавались: зачем она приехала? Уж не в жёны ли кому из княжичей? От их внимания и любопытства чесаться хотелось, будто в кошму её нагой завернули.

Она старалась ни на ком взгляда не останавливать — только озиралась. И тут ожидания, отравленные неведомо как поселившимся в голове предубеждением, её обманули: улицы Остёрска были широкими, много новых изб было остроено ближе к стенам, где ещё оставалось свободное для них место. Теснились справные овины, житницы и бани позади домов. Полны ли были закрома — то другое дело — но город и люди в нём выглядели вполне обычными, не измождёнными, не озлобленными недолей. Видно, боролись и жили, как могли, да как Боги позволяли.

Как показалась впереди стена детинца, Чаян явно пустил своего жеребца быстрее: уж, видно, совсем ему не терпелось дома поскорей оказаться. За ним поторопился и Леден, подгоняя Елицу в спину: казалось, словно конь его сейчас кобылу за хвост цапанёт. Ворота оказались приветливо открытыми. Стаража, выстроившись вдоль протоптанной тропы, встречала уже Светоярычей, выпрямив спины и держа прижатыми к плечам длинные копья. Так князей не всегда встречают.

А уж впереди поджидала сыновей княгиня Любогнева. Стояла она у подножия высоченного крыльца, что двумя изгибами всхода охватывало сразу два яруса толстостенного, мрачноватого терема с рядами маленьких окошек в стенах. Сразу видно, что построен давно, а вот украсили его коньками, наличниками, резными карнизами уже гораздо позже: дерево ещё не потемнело от воды и света Ока. Любогнева

смотрела, кажется, строго на подъезжающих к ней княжичей, но чем ближе они становились, тем отчётливее проступала улыбка на её красивых, хоть и чуть тонковатых губах. И глаза её, такие же, как у сыновей, всё яснее озарялись радостью. Она шагнула им навстречу, качнулись богатые, в три кольца каждый, колты у её висков.

– Здравствуй, матушка, – Чаян спешил резво и поспешил к ней.

За ним – Леден, первый раз за много дней, искренне и ласково улыбаясь. Они поочередно обняли мать, что-то тихо у неё спрашивая, а та отвечала, хмуря изогнутые светлые брови. Стало быть, об отце справлялись да о том, как она одна его смерть тут переживала. Наблюдая за встречами княгини с отпрысками, Елица спрыгнула на сухую землю, подняв над ней пыль. И даже совестно стало: почти по-мужицки получилось. Уж она в седле за две последние луны насиделась вдоволь, привыкла даже.

Любогнева посмотрела на неё поверх плеча Ледена и вдруг, отодвинув его в сторону мягко, пошла к ней. Елица и растерялась даже: что говорить? Как объяснить свой приезд, коли спрашивать начнёт? Но княгиня остановилась напротив, сложив руки перед собой, окинула её взглядом спокойным и неожиданно заговорила первой:

– Здрава будь, Елица, – уголки её губ дрогнули, но линия рта осталась твёрдой.

– Поздорову, княгиня, – Елица поклонилась ей почти-

тельно.

Женщина только подбородок выше вздёрнула, как снова они взглядами встретились.

– Вот уж не думала, что дочь Борины когда-то здесь увиджу. В этих стенах, из которых он сбежал, словно вор. Что же привело тебя сюда? На привязи ведь никто не тащил, верно?

– По моей воле приехала, – подоспел на выручку Чаян. Обнял мать за плечо, будто пытаюсь утихомирить. – Помогать нам в поисках Сердца. Не гневись, матушка. Она о делах своего отца мало что знает.

Та взглянула на него подозрительно, взяла пальцами его подбородок, слегка за бороду короткую ущипнув. Усмехнулась, что-то, видно, прочитав на лице сына.

– Всё ясно с тобой, – бросила только – и отпустила. – Что ж, проходи в дом, княжна. Будешь дорогой гостьей.

Та снова поклонилась слегка, невольно робея под взглядом этой надменной, словно изваяние Богини, женщины. Да та и не увидела, верно. И не знала бы Елица, какая беда произошла с Леденом в детстве – подумала бы, что от неё он свою холодность унаследовал. Чаян пошёл подле матери, лишь коротко обернувшись и одарив короткой ободряющей улыбкой. А вот младший вдруг рядом оказался.

– Не бойся её, – проговорил тихо. – Она с виду грозная, а на деле добрая. Только подружиться с ней надо.

Он придержал её под локоть и повёл к терему. Елица успела только взглядом выхватить взволнованное лицо Вей, ко-

торая уже почти затерялась среди захопотававших кругом челядинок.

– Как же подружиться с ней? Если она меня, верно, терпеть не может. Даже не зная.

Елица взглянула на княжича, подняв к нему лицо. И заметила, что как будто изменился он слегка, потеплел: видно, дом отчий так его согревал. Пальцы Ледена сжались на её руке чуть сильнее – аж дрожь лёгкая по спине прошла – до того сильно захотелось, чтобы ладонь в его ладони оказалась. Глупое желание. Несвоевременное. Но мысль эта выстрелила в голове неожиданно и растеклась по телу жарким волнением.

– Подружитесь, – ободрил её княжич. – Вот присмотрится и поймёт многое. А там и злиться на тебя перестанет за деяния твоего родителя.

Елица повела плечом и ступила на крыльцо, всё так же ощущая поддержку его. Перед тем, как войти в терем, Чаян ещё раз оглянулся – и мгновенно взор его словно тучами затянуло – того и гляди Перунов огонь из них пыхнет. Вместе с Леденом вошли они в сумрак дома. Елица не сводила взгляда с прямой спины Любогневой, рассматривала широкую полосу вышивки по вороту её бледно-синей рубахи. И сердце всё сильнее трепыхалось: не оставит её княгиня без внимания, снова допытываться начнёт да рассказами недобрыми об отце сыпать.

Поднялись они скоро на второй ярус терема – в женскую

его часть. Где-то позади тихо переговаривались челядинки, неся вещи Елицы в хоромину, которую ей подготовили. Хотя и прикинулась Любогнева, что не жала её, а знала всё равно, что приедет. Гонца вперёд отряда давно отправили. Чаян пошёл матушку дальше, а Леден остановился у другой двери, за которой тут же пропали хлопотливые служанки, исподволь на них поглядывая.

– Я с братом увидеться хочу, – почти шёпотом сказала Елица, опуская взгляд.

А княжич всё продолжал её держать, словно забыл убрать руку.

– В трепезной на обедне встретитесь. А там будешь с ним столько, сколько захочется, – уверил. – Пока он не отбудет на встречу с Зимавой. Чаян ей обещал.

– Как так он пообещал ей? – интересно вдруг стало, хоть дела это, верно, личные между Чаяном и мачехой.

– За то, что она расскажет, куда ты пропала, когда похитили тебя зуличане. Ведь он не знал поначалу, – Леден покривил губами, словно мысль эта неприятной ему показалась.

Елица усмехнулась только и головой качнула: эх, Зимава. И тут выгоду себе нашла, не подумав о том, что в Зуличе может ждать дочку супруга почившего очень большое несчастье. Да и, верно, решала она, как бы от неё избавиться. Может, и надеялась, что, несмотря на старания Чаяна, та всё же не вернётся.

– Спасибо, – только и смогла она ответить.

Рука княжича скользнула вниз, и пальцы твёрдые, вечно скованные стужей, сжали на миг ладонь Елицы. Она вскинула взор, ткнувшись им в ледяную стену его глаз. И захотелось на миг увидеть, что же на самом деле скрывается за ней. Интересно, а Вышемила видела?

Княжич отпустил её и пошёл назад, хватаясь за черен ножа, что у пояса висел.

Горница оказалась просторной, хоть и чуть темноватой по сравнению с той, что в Велеборске осталась, да всё ж светлее, чем изба Сновиды в Звянице. Пахло внутри приятно – ландышами. Стоял небольшой букетик их в низком горшочке на столе у окна. Одна челядинка поправляла и без того аккуратно застеленную лавку. Другая расставляла посуду: кувшин с водой и кружки. Вдруг княжне с дороги попить захочется. Едва не ткнувшись Елице в спину, вошла Вея – и тут же девушек прогнала.

Скоро собрались они к обедне: проводила одна из челядинок в трапезную, где дожидались уже княжичи и матушка их. А подле Чаяна, словно под его присмотром особым, сидел Радан, ничуть, кажется, не испуганный уже. Видно, привык к новому месту, да никто его здесь не страшал. Мальчик поднял ясный взгляд на Елицу – и не узнал, конечно. Она как в Звяницу уезжала, он совсем ещё младенцем несмышлёным был. А потому она вдруг растерялась, как теперь быть.

– Здравствуй, Радан, – Елица улыбнулась, чувствуя, как дрожат губы.

– Здравствуй, – буркнул мальчик растерянно и покосился на Чаяна.

Больше и сказать было нечего: ободрить бы княжича маленького, да какими словами это сделать можно? Он ведь домой, кажется, и не рвётся вовсе.

Светоярычи встали почти одновременно. Чаян коротким движением провёл по поясу и опустил на Елицу тёплый взгляд.

– Мы оставим вас. Верно, вам есть, о чём поговорить. А нам надо бы и вече созывать.

Братья поклонились матушке и вышли, оставив Елицу почти наедине с княгиней. Радан лишь посматривал то на одну женщину, то на другую, и помалкивал, чувствуя себя, верно, так же неловко.

Елице и кусок в горло не лез под пристальным взглядом Любогневны – она только шевелила в миске нежеланную во-все еду и ждала, что, может, княгине наскучит это занятие и она отправится к себе.

– Чаян сказал, что ты не знала почти ничего о том, что сделал твой отец, – заговорила она вдруг, едва не заставив вздрогнуть.

– Я знаю только, что вражда князей была из-за Сердца. Больше ничего, – Елица отложила ложку, совсем передумав есть.

– Началась она вовсе не с этого. Кража Сердца только всё осложнила.

– Так что же случилось?

– Женщина случилась, как часто бывает, – покривила губами княгиня. – Потому и рассорились друзья. Кровные братья. Потому как не поделили её. Светояр ей был мил, а она – Борице. Князь женой младшей хотел её сделать. Но она, говорят, с Борицей сбежала. А кто судачит, что похитил он её.

Елица сглотнула тихо: так сильно засвербило в горле. И догадки ясные тут же полезли в голову: уж не её ли матушку побратимы не поделили? Или была другая до неё? Чьё имя теперь уж никто, кроме Любогневы, и не вспомнит?

– Ты хочешь сказать, княгиня...

– Хочу сказать, что, видно, кровь у тебя с твоей матушкой недобрая – что она распрю между братьями кровными поселила, что ты теперь пытаешься Чаяна и Ледена разделить!

Любогнева встала, упёрлась пальцами в стол – и даже Радан как-то сжался от её грозного вида.

– Не хочу я их разделить! – Елица вдруг разозлилась в ответ. – Я за мысли их и надежды не в ответе!

Княгиня покивала, хоть лицо её и осталось недоверчивым.

– Коли доведёшь их до беды, рассоришь, княжна, то я тебя собственными руками удушу, – пообещала она спокойно. – На их судьбы много недоли и без тебя выпало.

С этими словами Любогнева плавно повернулась и покинула трапезную.

Глава 2

Подле кургана, в котором лежал теперь отец, было тихо. Как и должно быть в таком месте. Тянулась дальше, к самому лесу, гряда насыпей, где покоились предки рода от самого первого князя – Милогнева, делаясь ниже и ниже: время прибило дождями, обтесало ветрами старые усыпальницы. Леден опустился на землю у подножия кургана, посмотрел, обернувшись, на огонь, что горел на его вершине. Чаяну, как и всегда, на месте не сиделось: он решил пройтись вдоль всего Пращурного поля, чтобы вспомнить каждого из них, отдать дань уважения.

Только здесь, верно, становилось спокойно на душе, хоть и жаль было, что с отцом до срока повидаться ещё раз не удалось: погрязли они среди препон, что судьба им, не скупясь, подкидывала раз за разом. Забыли о времени, забыли, признаться, и об Остёрске, и о тех, кого оставили здесь – в ожидании. Словно в морок какой попали или околдовал кто. Стало как будто важным что-то другое. И весь мир сомкнулся вокруг Елицы огненным кольцом – аж внутри всё горело. Не только у Чаяна. Неправильно было это: негоже забывать об истоке, откуда ты вышел. Но и сейчас была княженка где-то рядом. В паре вёрст отсюда, но в то же время словно шею трогало её дыхание. Правда ведь, точно волшебба какая опутывает.

Тихо фыркнул жеребец, что гулял неподалёку, безмятежно пощипывая молодую, самую сочную траву. Тряхнул гривой, отгоняя приставших мух. Конь Чаяна – Зорько – посмотрел на товарища круглым глазом и неспешно отошёл, не отрываясь больше от увлекательного занятия.

– Что ж ты, отец, – мысленно обратился к Светояру Леден. – покинул нас, а как будто и половины всего не рассказывал, что должен был.

Что мог бы ответить ему курган, коли мог бы говорить? Теперь казалось, что отец скрывал что-то от сыновей намеренно. Оттого-то и не сходились ниточки к одному клубку, оттого-то и затянулись поиски Сердца. Захотелось расспросить матушку, да та, разве, если бы знала что-то да хотела поведать – неужто смолчала бы?

– Что-то ты совсем поник. Будто тебя дождём полило, – прозвучал, приближаясь, голос Чаяна.

Брат сел рядом, опустил руки на согнутые колени и заглянул пытливо в лицо.

– Здесь можно себе это позволить, – Леден устремил взор вдаль, в глубину лесной чащобы. – А там, как закончится всё это, так и легче, может, всем станет. Веселее.

– Кабы не пришлось мне тебя оставить, когда вече случится. Не смогу покинуть Остёрск. Не так скоро, – вздохнул Чаян, словно уже знал доподлинно, что его князем выберут.

Самоуверенность всегда была одной из главных черт его норова. Никогда он не допускал мысли о том, что не всё мо-

жет получиться так, как ему нужно. И потому-то, верно, почти никогда не проигрывал.

– Справлюсь как-то, – хмыкнул Леден, коротко на него посмотрев. – От тебя в поисках Сердца всё равно толку мало.

– Да и ты сможешь его узнать или нет – то бабка надвое сказала, – не остался в долгу братец.

– Вот и посмотрим. Да только ты бы вперёд лошади не бежал. Вече будет, люди скажут своё слово.

– Думаешь, тебя могут выбрать? – Чаян усмехнулся снисходительно.

– Оно мне нужно, это счастье...

– Зато представь, как Вышемила-то обрадовалась бы, – уколол брат. – Сейчас-то она и не думает о том, что женой князя может стать.

Леден только плечом пожал. Уж с кем ему хотелось о девицах говорить в последнюю очередь, так это с ним. А уж о Вышемиле – тем более. Изгрызало его все те дни, как случилась между ними та близость на ристалище, ясное осознание ошибки. Да он всё увещевать сам себя пытался, что боярышня в жёны годится не хуже других. Может, даже и лучше.

Потянуло дымом, что в преддверии наступающего с запада дождя сполз по плечу кургана и заструился над землёй, когда костёр потух. Показались над краем пала, протягивая к земле тёмные густые нити ливня, хмурые набухшие влагой тучи. Леден встал, отряхнулся. Мысль о том, что и он случайно может князем стать, показалась до того странной, что

аж пронеслась холодком где-то в груди. Нет, Чаян с детства к тому готовился, свыкался, ему и княжить – люди не могут это не понимать. А его сторонились всегда, словно он мог что-то выкинуть непотребное в любой миг, как нави и положено.

Догнал со спины Чаян, они погрузились на коней и отправились в сторону Остёрска – через весь, что рядом лежала, за полосой редкого перелеска. Ехали молча, только иногда оглядываясь, чтобы успеть вернуться в город то того, как ливанёт прямо над головами. Западали первые крупные капли, ощутимо ударяя по плечам и голове, как подъехали только к воротам. А как на улицу, ведущую к детинцу, вышли – так и вовсе хлынуло так, что хоть в башне ближайшей прячься или в избу к кому просись – переждать. Но они ударили коней пятками и помчались скорее дальше. Как добрались до терема – уже были мокрыми оба до нитки.

Оставив жеребца на попечение конюшонка, что прятался от ливня под рогожным плащом, пригибая голову, Леден разделился с братом в одном из переходов дома и дошёл до своей горницы, на ходу уже снимая рубаху. Да так и остановился, войдя, у дверей, как увидел, что внутри его матушка поджидает. Она от вида полуголого сына не смутилась, вестимо, даже оглядела его с гордостью, радуясь, верно, мысленно, что вырастила такого воина. Хоть и не без изъянов.

Леден быстро выхватил из сундука сухую рубаху и натянул, жалея, что совсем переодеться пока не может.

– Что-то случилось? – он подошёл к Любогневе, которая, величаво оперевшись локтем на Божью ладонь, наблюдала за ним со спокойной гладью в серых очах.

Мать встала вдруг, обхватила его лицо ладонями и посмотрела в самую глубину глаз, погладила щёки большими пальцами, словно он мальчишкой стоял перед ней, задрав голову, чувствуя безмерную её любовь и купаясь в ней, точно в тёплой запруде.

– Как я соскучилась по вам, – княгиня улыбнулась печально. – Век бы смотрела теперь. И не хочу, чтобы что-то скверное с вами случилось.

Леден осторожно обхватил её запястья, скованные красивыми расписными обручьями. Отвёл от лица её ладони, не понимая, к чему она ведёт. Женщины порой как начнут загадками говорить, так понимай, как хочешь. А как поймёшь – да неверно – только хуже станет.

– Отчего же ты решила, что худое может с нами приключиться? – он улыбнулся, пытаясь унять неожиданную тревогу матери. – Верно, что могло, то уже приключилось давно. Проклятия свои уж сколько лет на плечах несём, может, скоро доведётся от них избавиться наконец.

– А то что княженке Велеборской я не доверяю, – без раздумий пояснила Любогнева, и голос её прозвучал точно перезвон серебряных колтов. – Как оказия случится, так быстро она вас с хвоста скинет.

– Не скинула ещё, – возразил Леден, делая шаг назад и

отпуская руки матери. – Хотя и были оказии. Не одна даже. Да в лесу она не бросила, как мавка меня увела. И за спину княжича Зуличанского прятаться не стала, хоть и могла. Ты не знаешь её.

И захотелось вдруг, чтобы мать ушла. Зря, видно, он посчитал, что она к Елице теплом проникнется, как только парой слов обмолвится с ней. Уж слишком большую тень бросали поступки Борины на дочь, которая вынуждена была сейчас за него отвечать.

– И ты туда же, – княгиня усмехнулась с укором в изгибе красивых губ. – Ладно Чаян, у него сердце горячее, всё рвётся куда-то. Очаровала его княженка, верно, тем, что до сих пор подол перед ним не задрала. А ты? Ты чего хмаришься? И защищаешь её.

– Попусту я не стал бы это делать, – буркнул Леден. – Да и что я? Не живой, что ли?

Княгиня так и ладонь к губам прижала: он краем глаза заметил, хоть и не смотрел на неё. Подошла, обняла за плечи и прижалась щекой к спине.

– Живой, конечно, – шепнула. – Просто ты рассудительный и не такой ветреный, как он.

– Может, тогда тебе надо прислушаться к моим словам? Любогнева кивнула смиренно и вернулась на лавку у стола.

– Так расскажи мне, куда вы после веча путь держать будете? Раз Сердце не сыскалось до сих пор.

– В святилище, что недалеко от Яруницы лежит. Туда нас дорога ведёт. Может, там другую ниточку отыщем.

Княгиня и с места не двинулась, а всё равно как будто дёрнулась где-то внутри. Растеклась бледность по её губам, а пальцами она крепко стиснула край Божьей ладони, словно опору найти хотела.

– Так нет там ничего, – проговорила испуганно. – Давно уж нет. Да и как Сердце может быть на наших землях? Ведь его украли.

– Ты что-то знаешь о том капище? – насторожился Леден. Уж того, как поменялось лицо матушки, стоило ей только услышать о покинутом святилище, наводило на большие подозрения.

– И раньше мало кто знал, а теперь и подавно. Сердце там хранилось испокон веку. А как пропало оно оттуда, так и сгорело капище в тот же год, – тихо ответила Любогнева и встала поспешно, собираясь, видно уходить.

Леден дорогу ей преградил, собираясь теперь уж вывести всё, что можно.

– Ни ты, ни отец нам ни разу такого не говорили.
– Потому как только мы знали. И... жрицы. Которые теперь уж умерли обе. Другим незачем! – вновь вернулась к матери твёрдость голоса.

– Стало быть, ты считаешь, что нечего там искать?
Мать вскинула подбородок, снова ярясь на что-то.
– Говорю же, водит вас княжна эта за носы. Головы дурит.

Может, знает она давно, где Сердце, а вас только впустую мотает.

– То мы поймём.

– Я очень на это уповаю. Что хотя бы ты подвох распознаешь. Чаян уж не сможет, видно.

Любогнева всё ж обошла его и покинула горницу. Показались некоторые её слова справедливыми. Но и не верить Елице Леден не мог. Да вот теперь невольно присматриваться к ней будет ещё внимательней.

А вот то, что родители молчали о важном так долго, и дальше, верно, стали бы – тревожило и печалило гораздо сильнее. Будто не только Борила скрыть хотел многое в своей жизни, а и они, получается, тоже. И повязывало это их друг с другом ещё сильнее. И в голове как будто начало встраиваться что-то смутное, что могло бы дальше проступить более ясными очертаниями, а может, и повести за собой по самому верному пути.

Скоро начали собираться старосты и бояре на вече. Не просто так, усы макать в мёд на пиру – выбирать будущего князя, кто дальше их за собой вести будет. Прибыли и волхвы, самые уважаемые, особенно те, кто Перуну служит – сейчас он в особом почёте. Потому как самого главного предводителя всех воинов Громовержец должен тоже одобрить. Готовились требы большие, что будут принесены на капище у его идола, хлопотали бабы в поварне, собирая пир для многих мужей.

Суетно стало даже в посаде: люди тоже предвкушали, что займёт скоро княжеский стол новый правитель. Может, и чаляли, что вместе с тем скоро станет всем легче. Уж даже шептались порой – захочешь, так услышишь – что Светояр, может, недолго и с собой забрал.

Одним из первых приехал стрый Ледена и Чаяна – Знаслав. Отец порой к брату младшему, но разумному, обращался за советом, когда совсем худо приходилось, и земли самые южные, посчитай, под его присмотром были много лет, особенно тогда, как князь захворал.

Леден повстречал его во дворе, как тот лишь в ворота заехал. Где-то позади догоняло его сопровождение, много сетуя, верно, на проворность боярина. Стрый по-молодецки лихо спешил и окликнул братича громко – что тот, уже скрывшись за стеной терема, его поначалу и не заметив, услышал и сразу по голосу узнал.

– Вот же ты, Леден, – захохотал Знаслав, обнимая его крепко, до хруста костей, – всё думаю, когда в плечах раздаваться прекратишь? А ты всё могучее и могучее становишься. Девичьим взорам услада, врагу – страх.

Тот усмехнулся только. Стрый всегда на слова был горяч: на пиру порой только его одного и слышно, а другие лишь сидят, жуют да слушают его. И себя он восхваляет, брата ли или его отпрысков – а звучит это порой не хуже, чем сказитель под гусли споёт.

– Ты чего не предупредил, что едешь? Встретили бы тебя

все у ворот, – Леден высвободился и хлопнул ладонью его по плечу.

Позади уже спешили кмети из его ближней дружины, беззлобно подначивали знакомых стражников да поглядывали на челядинок, которые недалёко пробегали по двору с корзинами полными снеди – для пира будущего.

Стрый прищурил жгуче карие глаза, пряча улыбку в курчавой и тёмной, словно медвежий мех, бороде. Похож он был на Светояра, да так, будто все черты родительские, что им обоим достались, проявились в нём гораздо ярче. Светояр не такой был: более светловолосый, почти русый и с глазами не цвета старой сосновой коры, а скорее мёда липового. А уж как смешалась его кровь с кровью жены, которая, хоть северянкой и не была, а очень на тех женщин походила, так и вовсе вряд ли кто из незнающих теперь мог признать в Знаславе стрья княжичей.

– Так я что, не знаю, куда ехать? – разулыбался боярин. – Встречать и провожать меня не надо. Не маленький и не чужеземец здесь.

Вот уж верно говорит: детинец всегда ему домом был. Княжичем он родился, да землями своими отдельными обзаводиться не пожелал. И у отца не стал просить, чтобы тот надел ему какой отрядил, как оно порой бывало. Остался служить старшему брату, посчитай, наместником его стал в отдалённых краях княжества.

Знаслав снова окинул Ледена одобрительным взглядом, а

после ему за спину посмотрел – и глаза его вдруг округлились, а лицо, точно яблоко, аж залоснилось.

– Что за пава? – он качнул головой вперёд. – Нешто кто-то из вас жениться уже успел, пока не виделись? Тогда чего на свадьбу не позвали?

Леден оглянулся – да и сам едва не обомлел, понимая чем так восхитился даже бывалый стрый. Шла со стороны женского терема Елица вместе со своей наперсницей и парой челядинок из терема – видно, до посада собрались на торг или ещё куда. Всего пару дней она ему не попадалась – да Леден нарочно встречаться с ней не хотел – а сейчас была по глазам своей величавой красотой, словно первый раз они встретились. Зелёная рубаха её с тёмно-синей вышивкой так ярко подчёркивала глаза княженки, что даже издалека заметно было. Клетчатая понёва её с одного конца была заткнута за пояс, открывая вязь узоров по подолу. На округлой груди Елицы покачивались при каждом шаге бусы в три ряда, позвякивали тихо обереги на них. Синий повой оттенял лёгкую загорелось её кожи. Леден смотрел на девушку так, что шею свело от неудобного положения, и сам себе дивился: чего ж так вперился, словно и правда впервые заметил? Знаслав дёрнул его за рукав и ехидно усмехнулся растерянному: “А?” – когда он вновь к нему повернулся.

– Вот же тебя жажнуло. А я всегда говорю, что женщины – они опаснее меча или топора. Тебя сейчас хоть копьём колоть можно было – ты и не заметил бы.

Леден только глаза закатил на подковырку родича. Тот махнул, веля идти своим людям, которые топтались неподалёку, решая ждать его или нет – и те тут же потянулись вглубь двора к дружинными избам. Тем временем Елица подошла – знакомиться с новым человеком, видно. А то невежливо ведь – мимо пройти, ни словом не обмолвившись.

– Это княжна из Велеборска, Елица Бориловна, – представил её Леден.

И руки нарочно за спину спрятал – так сильно сейчас захотелось её коснуться, увериться, что она и правда существует. Что не порождение сна его, в котором он застрял, не в силах очнуться. В тот самый день, как увидел.

– А я и вижу сразу, что княжна, – улыбнулся Знаслав, когда девушка почтительно ему поклонилась, как старшему. – Ты попытайся пойди среди простых девиц такую стать встретить. Меня Знаславом кличут.

Он прищурился хитро. Уж увидела бы жена его, как масляно он на молодых смотрит, так уж всыпала бы ему – не погляди, что боярин. Впрочем княженка от похвалы его даже не зарделась: быстро раскусила и осталась спокойной, что гладь озера в безветренный день.

– Это Знаслав Миладович. Стрый наш с Чаяном, – добавил к его словам Леден.

Елица глянула на него понимающе, и по губам её скользнула едва заметная улыбка. Знать, залихватский вид боярина только её забавил.

– Верно, ты на первых порах поддержишь нового князя, как займёт он стол. Мудрый совет старшего – самое ценное, что можно получить в это время, – она снова кивнула стрью.

А тот сразу перестал сиять, как стекляшка, на которую попал свет Дажьбожьего ока.

– Поддержу, а как же, – буркнул уже без рвения. – Я теперь им после отца самый близкий человек.

– Куда направляешься, княжна? – всё ж поинтересовался Леден, поглядывая на наперсницу её и челядинок, что стояли в ожидании чуть поодаль.

– В посаде прогуляемся, – коротко бросила она. – Скоро обернёмся.

Повернулась плавно и вновь к воротам пошла, а женщины – за ней, тихо что-то обсуждая между собой.

– И чего бы это княжне Велеборской здесь быть? – стрый посмотрел им вослед задумчиво. – Или вы всех отпрысков Борины решили в одном месте собрать?

– Ясно, зачем, – Леден повернулся уж вновь идти к терему. – Помогает нам поручения отца выполнить.

– И как? Узнали что-то? – в голосе Знаслава прорезался острый интерес.

– Что узнали, то проверим. А там и всем расскажем, не утаим.

Стрый помедлил чуть, словно задумался, и последовал за ним. Там и разошлись по своим хороминам. Нынче будет в гриднице шумно – у Знаслава и кмети такие же громкие и

болтливые, как и он.

Так и собрались на вечерю – стряя чествовать – Чаян велел. Угощение не было великим: куда уж, когда весна закончилась, а до новых урожаев ещё далеко. Да и неизвестно, какими они нынче будут, хватит ли всем, или снова придётся травы да коренья по лесам собирать да за дичью гоняться по многу дней. Но всё ж раздобыли кмети на охоте нескольких особо неосторожных глухарей да уток. И было это большой удачей.

Пришла к вечеру и матушка, хоть брата мужа не очень-то любила: пустозвоном считала, будто не ведала, что он и дела умеет вести не хуже, чем языком чесать. Зато Знаслав поприветствовал Любогневу тепло и радостно, несмотря на её кислый вид, расспросил о многом, и о том, как она переживает потерю мужа. Княгиня отвечала неохотно, но не отмалчивалась – и стрый скоро оставил её в покое.

Чуть позже пришла и Елица, сразу приковав к себе взгляды собравшихся мужей. И казалось бы, есть девицы краше её: ослепительные, манящие так, что тело всё сводит – а никто сейчас не поспорил бы с невыносимой притягательностью княжны. Слово светом её охватывало, стягивался он к ней отовсюду, от каждой лучины в гриднице. Она села подле княгини, а та в её сторону и глянуть не пожелала. Но княжна и не расстроилась, кажется. Взор её весь вечер был отстранённым, чужим, словно не здесь она была, а где-то далеко. Доносили на хвосте местные сороки, что почти всё время

она с братом проводит: и гуляют они много, и заботится она о мальчишке – верно, одна-единственная для неё отдушина. Всё здесь чужое и враждебное.

Да Чаян едва на месте не подпрыгивал, как хотелось ему поближе к Елице подобраться, а уж выпитое за здоровье стряпное пиво и вовсе разгорячило его кровь. Казалось Ледену, что налегать на хмельное он стал теперь гораздо охотнее – как будто заглушить хотел что-то, унять. Или забыть. Кабы вновь не стал дурить, на буйну-то голову. Но больше всего братца беспокоило, что приехал этим же вечером в детинец ещё один гость важный – боярин из Житолицы, и привёз с собой дочь свою молодую и ладную – Зденку. Ни о чём доподлинно он с Еримиром не уговаривался, зато известно было давно, что Любогнева сына старшего женить на пригожей боярышне вовсе не прочь. А Светояр, как жив был, и не противился, хоть и понимал, что жених из Чаяна сейчас не слишком-то завидный.

Девушка тоже сидела сейчас подле женщин, по другую сторону от княгини – и на неё та смотрела гораздо благосклоннее. А Зденка только иногда – как и положено скромной девице – поднимала взгляд на Чаяна или отца, что устроился близко от него. Оттого-то, верно, брат и ёрзал нынче сильнее обычного.

Веселье стало буйным, как навалилась ночь. Мужички, подвыпивши, наевшись дичи, заговорили громче, яростнее загромыхали чарки о стол, чаще вздрагивали челядинки от

резких всплесков хохота и щипков за мягкие места, в которых пирующие уже не могли себе отказать.

Леден сидел за столом уж больше для того, чтобы без призора ничего здесь не оставлять, чем для того, чтобы поселиться. И вовсе не нравилось ему то, что стрый быстро о смерти брата позабыл, да и других забыть пытался заставить. В том и не было ничего плохого: мёртвым в своем мире лучше живётся, коли в Яви живые не печалются и слёз напрасных подолгу не льют. Но уход отца казался ему недобрым знаком, словно от этого всё только запуталось сильнее.

Не выдержала шума и Елица. В какой-то миг встала и собралась было уходить. Вскинулся на своём месте Чаян, вырвал руку из хватки Ледена, который попытался его удержать от глупостей. Все вокруг даже на миг замерли и притихли, ожидая, как сейчас что-то случится.

– Куда ты, Елица? – гаркнул он на всю гридницу. – Останься ещё, вырази уважение нам и гостям нашим.

Княжна только взглядом его тяжёлым окинула, а после опустила его на княгиню, которая неподвижно сидела рядом и внимательно смотрела на сына.

– Я выказала его достаточно. На утренне, знать, свидимся. Она вышла степенно из-за скамьи и к двери направилась. Чаян лишь взглядом её проводил. Еримир смотрел на него неодобрительно, но молчал. Хоть и понимал, верно, что дочь его княжича и вполтину так не привлекает, как Елица. Только на неё тот смотрел весь вечер и ждал хоть одного

слова.

Княжна ушла, а Чаян сел на своё место. И после уж, как ни развлекал его разговорами и байками Знаслав, как ни улыбалась ему боярышня, когда удавалось ей перехватить его взгляд, а ничто не сумело вернуть ему живости и благого расположения духа.

Леден тоже, признаться, посматривал на пустующее место Елицы – и не понимал ещё, чего там увидеть желает. Благо его в Остёрске никто из девиц не ждал, а то было бы сейчас ему так же неловко и тяжело, как и брату.

Наутро, как поднялось светило над густыми дремучими лесами, над тёмными, что земля вала, стенами города, начали собираться люди на вечевом поле. И те, кому ответ держать придётся, кому стол княжеский теперь занимать, и просто посадские – посмотреть, послушать, а то и вмешаться, если понадобится. Шумно становилось, нарастала толкотня, каждый пытался подобраться ближе к серёдке, чтобы ничего не упустить. Пришли бояре и старосты, что прибыли в Остёрск к назначенному дню. Вышли к народу Леден с Чаяном, поднялись на помост, что срубили только накануне – он ещё пах стружкой и смолой. И от запаха этого, что сопровождал каждый раз изъявление людьми своей воли, становилось внутри так беспокойно, и вспоминалось снова, что умер недавно отец. Иначе долго ещё не пришлось бы стоять здесь, вдыхая дух сосновых оструганных стволов и людского нетерпения да любопытства.

Чаян, казалось, был спокоен, а может, просто вял после буйно проведённой ночи: когда Леден отправился к себе в горницу, он ещё сидел за столом вместе с Знаславом и ближайшей дружиной своей, уничтожая очередной бочонок браги. Плечи его нынче укрывало корзно из дорогой узорной ткани, привезённой когда-то из Ромейской империи знакомым купцом. Леден надел нынче такое же, только не чермное, а синее – такое ему больше подходит. Вставали рядом с ними, как на ратном поле – плечом к плечу – ближники. Для охраны тож, если кому побуяннить захочется, хоть княжичи и сами за себя постоять могли.

Но даже Чаян потерял невозмутимость, загорелся, как появилась у помоста Елица с неизменной своей наперсницей, которая, кажется, с каждым днём всё строже становилась. Словно и правда девицу оберегала. Брат ловил взгляд её, да всё безуспешно. Не смотрела на него княжна, озиралась в толпе, разглядывала лица бояр, словно уже по ним прочитать хотела, кого они князем новым назовут. И вдруг на Ледена взор подняла. Прямо, ничуть не скрываясь – и он хотел бы понять, что кроется в нём, таком внимательном, открытом – и не мог.

Как собрались наконец все, кто должен был, заговорил первым волхв из святилища Остёрского: давеча он требы принёс большие на капище Перуна, чтобы спросить его совета, кому из братьев должно стол княжеский отдать. Никого, кроме других волхвов, на обряд тот не допустили, и жда-

ли теперь слова волховьего все, затаив дыхание. Порой его лишь хватало, чтобы решить судьбу одного из сыновей, как и случилось однажды с Знаславом и Светояром. Тогда и веча-то долго не было: узнали люди, что Перун огонь свой опустил на чашу старшего сына – так и порешили. Чего языками зря молоть?

Вышел вперёд, встал перед Леденом и Чаяном, повернувшись лицом к толпе, волхв Ёрш, не молодой, да ещё не совсем старый муж. По ним, жрецам Богов, не всегда и понять можно, сколько им лет накапало. Он качнул своим посохом с оловянными подвесками на сучковатом навершии, опираясь на него удобнее – и те тихо зазвенели, словно капель по весне.

– Справил я потребу щедрую Перуну, – начал он размеренно и как будто задумчиво слишком. – Ждал, как опустит в одну из чаш огонь свой Громовержец. Жгли девять костров вокруг него, видели девять зарниц над лесом, с южной стороны. Девять кругов обошли по святилищу посолонь и девять раз обратились... И никакого ответа я не получил.

Толпа вздохнула, как одна большая грудь богатыря. Ощутимо разлилось в стороны разочарование людей, непонимание, как такое могло случиться. Ведь ни разу ещё не бывало такого, чтобы Перун не пожелал знак свой подать, выбрать того из достойных праправнуков. А тут... Как понять теперь?

Даже сам волхв, похоже, того не знал. Он стоял, вцепив-

шись обеими руками в свой посох и молчал теперь, сказав, видно, всё. Но посадские вместе боярами таращились на него, словно ждали, что он ещё что-то поведает, развеет сомнения.

– Может, попутал ты что, Ёрш? – выкрикнул кто-то из толпы. – Может, был всё ж огонь, да ты решил, что выбор Перуна небе неугоден?

Волхв обернулся на зубоскала, но тот либо хорошо спрятался, либо и вовсе поспешил сбежать. Да его, верно, остановили бы.

– Раз Перун волю свою не изъявил, значит, нам решать теперь. По-людски, – нарушил повисшее на вечевом поле молчание воевода Забура. Голос его громкий и сочный – таким только приказы и отдавать – пронёсся над головами посадских, и те зашевелились наконец, сбрасывая оцепенение. – Я считаю, что старший сын Светояра должен стол княжеский занять. Уж это право никто из Богов не может оспорить.

Неуверенный одобрительный гомон прокатился по толпе. Сложно сказать что-то против Богами данного права первому сыну место отцовское перенимать. И казалось уже, что вот оно, решение – принято. Погалдят люди, и тем всё закончится, как бояре поддержат воеводу. Но рокот десятков голосов стих, а вместо него раздался вдалеке тихий раскат грома от надвигающейся грозы. Сизые, точно ворохи журавлиных перьев, тучи нависли над лесом и поползли, захватывая ясный с утра небосклон кусок за куском, словно пожирая.

– Это ли не знак Перуна? – вскинул руку к небу Ёрш. – Он согласие свое даёт на то, чтобы старший сын Светояра княжил!

Люди позадирали головы, наблюдая за медленным наступлением темноты, что тащили вслед за собой набрякшие от готового пролиться дождя тучи. Послышались отдельные выкрики в поддержку слов волхва. Но многие и молчали. Да Чаян всё равно приосанился, затоптался в ожидании и на Ледена покосился.

В тягость было стоять здесь неведомо зачем. Только взгляд один ещё держал его от того, чтобы не оборвать вече, отказавшись от всего своим словом. Смотрела на него Елица. То и дело касался её взор кожи – ошутимо, до странности ласково. Словно жалела она его, что ли? Но сейчас жалость её не раздражала, не злила, а будто придавала сил оставаться на месте и ждать решения, как того требовал закон.

– А может, это гнев его? – выкрикнул кто-то из толпы. – Может, не хочет Перун, чтобы Чаян князем стал – вот и злится?

– И верно, – поддакнули с другой стороны, – какой из него князь? Когда он жену свою любую убьёт, коли дитя родить той надо будет?

Чаян стиснул зубы едва не до скрипа. Вперёд шагнул уже вступаться за себя самого, но смолчал покамест.

– А я согласен с людьми, – выступил среди бояр ещё один муж, высокий, седоголовый Проскей.

– Что же? – взъелся тут же воевода. – Ледена на княжение предложишь? Так он, кажись, не лучше будет, коли о наследниках говорить. И вовсе пуст, что кувшин старый – никого зачать не может.

– Проклятие снять бы. Да как?.. – рассудил о своём Ёрш. Тут и Ледена в груди раскалённой кочергой царапнуло. Стоят, судят, что на торгу, какого жеребца лучше взять, да всё изъяны находят, чтобы цену сбить. Он встал рядом с братом. Тот повернулся к нему, тая злой огонёк в глазах, и вдруг ко всем обратился:

– Всем ведомо, что проклятие на нас, это верно, – И люди притихли совсем. – Да мы снимем его, как Сердце Лады отыщется. А то, что скоро это случится, в том и сомнений нет никаких. Когда это немочь бездетная какому князю править мешала? Наука та не между ног болтается, а здесь, – он постучал себя пальцем по виску. – А уж остальное приложится. И решится как-то. Что Леден в силе полной, годами молод, что я. Так что вы уж прекратите в штаны нам заглядывать, кто что может. Я отступаться не собираюсь. У меня и невеста есть достойная – любому о такой только и мечтать!

– Я дочь свою за тебя, душегуба, не отдам, пока ты неделю свою не скинешь! – хмыкнул громко Еримир, проталкиваясь к Чаяну ближе. – Хоть и не ты в том виноват, а всё равно. Вот как станешь мужик мужиком, там и решим всё.

А у самого лицо так и залоснилось от удовольствия – от того, что дочь его за невесту принял. Видоков, вон, много,

попробуй теперь на попятный пойти.

– А я не о твоей дочери говорю, Еримир, – безмятежно улыбнулся братец. – Уж прости. Княжну Елицу я в жёны возьму, как всё наладится, как истечёт срок её вдовства.

И нельзя было сказать, что никто такого не ожидал. Особенно княгиня, что на высоком стуле с резной спинкой восседала: уж так побелело её лицо, и губы сжались гневно. А всё равно рты люди пораскрывали – и все, как один, вытаращились на Елицу, которая от вести такой только за повой, вокруг шеи обёрнутый схватилась.

– Я согласия своего тебе не давала, – сказала она твёрдо, но не повышая голоса. – Как и права за меня решать.

– Сама понимаешь, что так всем лучше будет, – мягко проговорил Чаян, ничуть не смущаясь. – И я доли себе другой не желаю. И жены другой, кроме тебя. Так перед всем людом и говорю!

Леден прикрыл веки на миг – только потом заметил – так ударило его где-то в груди. Изнутри да до хруста рёбер. А как распахнул он глаза снова – столкнулся с взглядом материнским. И черты её вдруг смягчились. Она покачала головой, укоряя Чаяна за опрометчивость и поспешность, но яриться вдруг перестала. Смолчала и Елица, потупив взор да слушая тихие слова наперсницы, что та говорила сейчас размеренно, склонившись к её уху.

– У Ледена, я знаю, тоже невеста есть, – встала вдруг княгиня, и все повернули головы к ней. – Боярышня из княже-

ства Велеборского. Вышемила Чтиборовна. Дева во всём достойная. И любит его, ждёт, как вернётся за ней.

И только подивиться осталось, откуда она всё это разузнала. Да большого труда на то не надобно, если уж сильно хочется выведать. Уж тем паче о сыновьях. Да только раздражение внутри качнулось от того, что и от себя она приукрасила. Неведомо зачем: видно, невестами бояр не задобришь.

– Мы не обручены ещё, – буркнул Леден, совладав с пересохшим, словно кусок тряпки, языком и резкой, как взмах клинка, вспышкой гнева.

– Ну и что? – улыбнулась Любогнева обезоруживающе. – С отцом её уговориться легко можно. А как только закончишь дело свое великое, так сватов заслать в Логост недолго.

– Вот как дело завершу, там и видно станет, – не желая покупаться на её ласковый голос и непрощенную заботу, бросил он.

Люди заговорили тихо и озадаченно, вновь не одобряя его резкий тон и неуверенность, с которой он о собственной невесте говорил. Да и пусть их! Лгать, как Чаян, не спросив желания той, кого в жёны взять хочешь, он не собирался. Хоть и права матушка: Вышемила, верно, ждёт его.

Елица подняла на него взгляд и опустила вновь, а после вдруг развернулась и пошла прочь среди расступающейся перед ней толпы. Чаян шагнул было за ней – остановить! – да одумался вовремя. Сверкнуло вдруг ярко совсем близко, где-то у стены Остёрска. Грохнуло, словно огромными же-

стянками друг о друга, прямо над головами людей – и они все пригнулись, робея от гнева Перуна.

– Никого из братьев мы на стол сажать не будем! – перекрикивая последние стихающие раскаты, вступил вдруг в спор Велизар, боярин Остёрский, надзирающий за многими делами в посаде. – Никто из них не годится пока для этого. Пусть сначала со своими жизнями разберутся, Сердце вернут, а там снова вече соберём.

– И что же, до тех пор княжество бесхозное будет? – прокотал Забура. – Хочешь, чтобы и к нам косяки носы сунули? У нас и так особо грабить нечего. А то и последнее растащат, как крысы.

– Почему же? – тот развёл руками. – Пусть Знаслав княжение принимает. Он их наследник, раз сами они не в силах...

Бояре расступились, открывая взору посадских стрья, который всё это время молчал почему-то. Ни за одного братича не выступил, ни за другого. Тот и взгляд вскинул, как будто только заметил, что на вече находится, посмотрел наперво на Чаяна, а после и на Ледена – и лицо его вдруг поменялось. Не стало доброго и шепутного брата отца, а остался только боярин, суровый нравом и словом крепкий – а Светоярычам чужой будто бы.

– И то верно! – на удивление дружно поддержали предложение Велизара остальные мужи, грянули почти одновременно.

Только Забура посмурнел пуще неба грозового, с которого уже посыпались первые тяжёлые, словно камешки, капли.

– Точно! Пусть стрый их княжит! Он мужик толковый! – заголосили в толпе один за другим.

И у Чаяна даже плечи опустились. Тут уж возражай, негодуй, сколь угодно, а против такого единодушия людского не попрёшь.

Начали расходиться люди, как окрепчал ливень: а что, дело-то решённое, больше не о чем говорить. Поспешили спуститься с помоста и бояре, пряча глаза от братьев, да между собой тихо переговариваясь. Увели, прикрывая растянутой над её головой холстиной, княгиню челядинки подручные, самые ближние. Мать тоже ничем больше увещевать мужей нарочитых стала. Остались только Леден и Чаян последними. Да Знаслав, внезапно, пусть и на время, ставший князем. Брат долго смотрел на него, не замечая, как намокает, тяжелеет под дождём его плащ дорогой. А после отвернулся и тоже к детинцу пошёл, не оборачиваясь и не говоря больше ничего.

– Вы находите Сердце поскорей, – бросил стрый ему, как тот мимо проходил. – Тогда всё на места встанет.

Да Чаян только плечом дёрнул.

– Вот спасибо тебе, стрый, – хмыкнул Леден. – Как хорошо всё для тебя получилось...

Он направился было вслед за братом, да Знаслав за локоть его поймал, посмотрел в глаза серьёзно и долго.

– Я того не желал. Так народ решил, – проговорил так, словно камнями закидал.

Леден высвободился и спустился со скользкого помоста, но отправился не в терем, а в святилище Перуна, что недалеко от него стояло – самое главное в Остёрске. То и дело протирая глаза от дождя, он прошёл через ворота высокие, резные, украшенные щитами и встал перед изваянием мужа оружного, с окладистой бородой да в шапке с богатым меховым околышем. Обвёл взглядом две каменные чаши, что стояли по обе стороны от него – одна, уже наполовину наполненная дождевой водой, и правда была чистая, не тронутая огнём. А во второй – чернела смытой со стенок её сажей лужа. И то была чаша, предназначенная для Ледена.

Глава 3

Буйствовал нынче ветер за окном, гонял сорванные с ветвей листья, шелестел травой и поскрипывал где-то чуть расшатавшейся кровлей. Зимава ворочалась на неудобной лавке, хоть всегда застилала её челядинка мягко. И всё что-то трепыхалось в груди, словно птица или зверёк какой. Ан нет – сердце собственное, встревоженное, беспокойное. И был всё Стрибогов внук во дворе, плакал, бился в закрытый волок и свистел, отыскав где-то маленькую щель.

Страшно было перед отъездом. Как будто не с сыном встретиться собиралась, а на бой шла. Но она должна была увидеть Радана, попытаться вернуть его. Ведь столько дней прошло – как вечность целая. Пора прекращать всё то, до чего сама довела. Избавляться от власти княжичей – загостились. Так скоро люд начнёт кого из них за правителя держать. А вот о ней забудут, да и возможность снова стать княгиней при князе правящем стала настолько прозрачной, неосязаемой, что и не разглядишь. Яснее ясного было теперь, что Чаян Елицу в жёны взять хочет. Только самая ленивая челядинка о том, верно, не болтала. Да и сама не глухая и не слепая тоже – уж видела, как смотрит княжич на девушку: с ожиданием, словно обещание между ними какое-то. Может, и чаял о многом он из того, что сам себе выдумал, но не просто так к ней тянулся, значит, сердце того требовало.

А Зимава изнутри это раздирало, словно крюками острыми: ожидание встречи с ним и понимание, что в своей постели он хотел бы видеть другую.

И пока лежала Зимава, размышляя, не могла признаться себе, чего же не хватает ей – так сильно. Или кого? И только отпираться и обманывать кого-то – дело бестолковое. Лишь вспомнила Чаяна – и пробежала тут же нетерпеливая, жаркая дрожь по телу – как бы ни злилась, а ведь его и не достаёт. Вот же княжич проклятый! Впустила его не только в город, а и в жизнь свою – накрепко засел. Теперь как прогнать? Да только так хотелось рук его повсюду: на груди, спине, бёдрах. Пальцев длинных, что скользили по коже с нажимом, оставляя тлеющий след, как борозды в душе – каждый раз. Зимава вздохнула тихо, запрокидывая голову – и провела ладонью по животу поверх рубахи, чувствуя, как наливается он тяжестью. Приподняла подол, ясно видя перед собой лицо Чаяна: серые глаза сияющие неуёмной жаждой жизни, волнистые русые пряди, непослушные, падающие на лоб, обрамляющие скулы. Пальцы будто сами собой скользнули между бёдер...

– Не спишь, чтоль? – шепнула Оляна, которую Зимава попросила сегодня остаться в горнице с ней.

Та быстро убрала руку и повернулась набок, прикусывая край покрывала, чтобы сдержать стон разочарования. Подруга приподнялась на своей лавке, посмотрела сквозь темноту, сверкая белками глаз.

– Не сплю. Как уснёшь тут?

Оляна снова легла, протяжно вздохнув.

– Увидишься с Раданом – полегчает, а там, верно, скоро и вовсе вернут его тебе. Не кручинься, – сонно растягивая слова, попыталась она успокоить. – Уж думается мне, Чаян не станет лютовать и дитю вредить.

Зимава только усмехнулась тихо. Коли княжичу понадобится – и отыграется он на Радане – не остановится. Если княжество захочет всё ж при себе оставить или брату своему милостью отдать – им тогда да Елице, которая, верно, старшего Светоярыча окрутила совсем, он только помеха.

– Ты не знаешь Чаяна, – возразила Зимава чуть погодя, думая, что Оляна уже и не слышит – заснула.

Но та шевельнулась внезапно, словно вздрогнула.

– А ты знаешь как будто. Уж прости, а то, что ложе с ним делила, ничуть тебя к нему ближе не сделало. Как был сам по себе, так и...

– Да знаю я.

Вот и хотела она вызволить Радана из власти остёрцев – потому как надежды ни на Елицу, ни на княжичей, милость их, уже давно не осталось. Опасный план предложил Эрвар. Да все они были у него один другого опаснее. И Леде-на убить, сговорившись с зуличанами, которым, признаться, оба княжича поперёк горла стояли теперь, он придумал – жаль только, ничего не вышло. И теперь вот – Радана выкрасть да снова в стенах городских укрыться, а там уж никого не пускать. А с воеводой Буяром можно и в детинце спра-

виться. А там вече решит Радана малолетнего на стол княжеский возвесть – предательница Елица тут никому не нужна. Уж больно близко с остёрцами знается последнее время.

Всё казалось просто, если вот так размышлять, лёжа в темноте и пытаясь разглядеть свод бревенчатый над головой. Складно, как и должно быть. А всё равно – страшно.

Зимава заморгала часто, чувствуя, как режет глаза бессонная ночь. Встала с лавки своей и, нащарив платок в ближайшем сундуке, вышла из горницы, а там – в переход между теремами. Княжеский сейчас почти пустовал: Буяр не хотел занимать никаких покоев – спал в дружинной избе вместе со своими кметями. Хоть и гридней в хоромаш оставил: чтобы слушали и смотрели за теми, кто ещё недавно был здесь хозяевами.

Тёплая ночь, звёздная настолько, что небо казалось почти белым, обхватила ласково за плечи, тронула распущенные по плечам волосы, бросила паутинкой в лицо спутанные от метаний по подушке пряди. Обдали сверчки почти ощутимыми кожей трелями, тревожа в душе что-то глубинное, из детства самого. Как бывало, сбегала Зимава с подругами вот такими ночами из дома – гулять и звёзды смотреть, разлегшись в траве на лугу за околицей.

– Что же тревожит тебя, Зимава? – долетел со спины голос будто бы из сна.

Она так и подумала поначалу, решив, что случайно задремала, оперевшись на перила резные. И хотела было даже на

этот вопрос сама себе ответить, но за ним прозвучали и шаги тихие. Скользнула по спине тяжёлая широкая ладонь – и рядом встал Эрвар. Там, где привычно было его видеть всегда.

– Чего не спишь? – она удивилась вяло – на другое и сил уже не хватало.

– Ты не спишь, и я не сплю, – просто ответил он.

Зимава подняла на него взгляд, рассматривая суровое, грубо высеченное лицо. Белые пряди выбритых с одной стороны головы волос падали густым чубом на другую: своих шрамов он не скрывал. Показывал нарочно. Чёрное небо в небрежно брошенной по нему муке звёзд делало глаза варяга и вовсе глубоко синими, отражаясь в них. Как море северное, верно. Таким Зимава представляла его себе, хоть и не видела никогда. Она подняла руку и провела кончиками пальцев по длинному рубцу вдоль виска Эрвара. Он резким движением поймал её руку.

– Я не княжич твой, Зимава. Молодой, глупый. Со мной играть не надо, – взглянул искоса.

– Я не играю, – она вывернула запястье, высвобождаясь. – Понять хочу просто...

– Что? – варяг нахмурился.

– Почему ты служишь мне? И убивать решаешься, хоть никто мне не угрожает?

Он ничего отвечать не стал. Подтянул к себе ближе и обхватил рукой за талию. Впечатались его губы крепким поцелуем, выпили дыхание – до помутнения в без того шалой уже

голове. Натянулись волосы, когда намотал их Эрвар на кулак. Потянул вниз и по шее губами прошёлся, языком между ключиц. А ладонь его с талии спустилась, смяли пальцы округлости, сильно, до боли. И отпустили.

– Не девчонка ты, Зимава, – проговорил он, касаясь губами уха. – Всё понимаешь. Убью за тебя любого, глотки вырывать стану голыми руками, если скажешь.

– И ничего взамен не попросишь? – просипела она, чувствуя мягкие поглаживания ниже спины.

А волосы-то он ещё не выпустил, так и держал, заставляя запрокинуть голову. И обдавал горячим дыханием кожу шеи.

– Просить не стану. Я братъ привык. Когда нужно.

Он выпустил Зимава из объятий, вовсе не ласковых, но волнующих, наполняющих душу смятением. А мысли – воспоминаниями о том, что случилось всего раз, как стала она невестой Бориле. Как поймал её в хоромаш Велеборских уехавший с ней из отчего дома вместе с некоторыми соратниками молодой варяг. И обнимал, помнится, так же крепко, целовал неистово и уговаривал бросить всё – уехать с ним. Да она тогда уже княгиней себя считала. И о том, что тяга такая у Эрвара к ней – не знала вовсе. Растерялась, разозлилась дюже и приказала больше не касаться себя – иначе мужу будущему всё расскажет, а там и выгонит тот его взащей.

А теперь иначе всё выглядело. Единственным верным ей человеком остался варяг. И за него только и приходилось цепляться. А Чаян поплатится ещё за то, что так легкомыс-

ленно с ней поступил. За то, что быстро променял одну юбку на другую.

Эрвар просто стоял теперь рядом с ней, словно ничего только что не случилось, и казалось, что мысли все её знает наперёд. И все – поддерживает. Только как начало затягиваться молчание и прохлада ночи пробралась под одежду, варяг вздохнул:

– Иди спать, Зимава. Завтра с утра в путь.

Она тут же повернулась и пошла к себе. А там лишь голову донесла до подушки, как уснула. Да утро пришло скоро.

Загомонили кмети во дворе, заверещали, громко переговариваясь, отроки и конюшата. Загромыхало что-то – и Зимава открыла воспалённые глаза, которые тут же заслезились. Оляна уж поднялась, оказывается – а она и не услышала.

Скоро и выходить время пришло: ждали её одну. А она всё стояла в горнице своей да с повоем справиться не могла: казалось, что не так повязывает, неудобно, криво, а то и вовсе не той стороной. Подруга стояла за её плечом, не вмешиваясь, но всё равно раздражая. Но сборы всё ж были окончены – и Зимава спустилась во двор.

За ночь ветер нагнал туч, и текли они по небу теперь непроглядным кудлатым туманом, что спускал свои щупальца, казалось, к самой стене детинца да путался в кудреватых кронах сосен вдалеке. Как бы не было дождя...

Вышла провожать сестру Вышемила, отчего-то печалась

сильно. Да она, как Леден уехал, и вовсе потускнела, словно застыла в ожидании его возвращения. И больно было видеть её такой, зная, что младший Светоярыч никогда не сможет подарить ей того тепла, которое она заслуживала. А сестрица глупая, восторженная, только страдать будет, что не любит он её так как она – его. Вообще не любит.

Зимава обхватила личико Вышемилы ладонями, погладила по щекам, заглядывая в безмятежные глаза её, словно пасмурной дымкой теперь заволоченные.

– Хотя ты возвращайся скорее, – пролепетала сестрица. – А то без тебя, без него мне здесь совсем худо будет.

Тут же в груди словно шипом укололо. И сейчас не могла обойтись без того, чтобы Ледена помянуть!

– Да что ж ты... – заговорила она с укором, но постаралась злобу в голосе унять. – Что он сделал такого, что ты маешься о нём постоянно?

Приподняла лицо её, чтобы на неё посмотрела сызнова – и вдруг – поняла всё. Всё до единой мысли сестриной, нехитрой. И то, как зарделись щёки Вышемилы, лишь выдало её пуще.

– Люб он мне, – выдохнула девчонка. – Вся ему принадлежу. Вся без остатка. Потому и жду. Вернётся ко мне обязательно – обещал. Но как вытерпеть?

– Стало быть, подол уж задрала перед ним, – Зимава покачала головой, почти задыхаясь от гнева, но сдерживаясь. – Ну и глупа же ты.

– Не глупее тебя, – запальчиво фыркнула та.

И даже рука зачесалась пощёчину ей дать хорошую. Но не на людях же.

– Отец не рад будет, – она поразмыслила чуть. – Вернусь – и домой поедешь, как миленькая. В Логост. Хватит, нагости-лась на свою и мою голову.

Она повернулась и пошла прочь, оставив Вышемилу давиться подкатившими слезами. Потеснила в повозке Оляну, которая вместе с ней ехала, и скоро покинула детинец, окружённая кметями Доброги и воинами Эрвара.

Давно уж она не выезжала из детинца так далеко. Даже отец с матерью сами наведывались в Велеборск – к Бориле, да и погостить по-родственному. А она, оказывается, всё это время город и не покидала. Кружили заботы домашние да вокруг Радана, который рос так быстро. А как случилось посажение на коня – так и вовсе не заметила, как зимы одна за другой выюжили.

И вот теперь поездка эта в удобной повозке, на скамье, усиленной мягко шкурами, казалась чем-то настолько необычным, что только по сторонам головой вертеть и остаётся. Ехал рядом верхом Эрвар, не смотрел почти на Зимаву, да она всё равно его взор ощущала. И в эти мгновения начинал вдруг гореть на губах поцелуй вчерашний. Неловко становилось и томно в груди, словно непотребная тайна какая теперь их связала. Такого даже с Чаяном она не испытывала. Там всё было так, как должно, как хотела она и представля-

ла себе. А тут – не знаешь, что и делать теперь, куда глаза прятать от него, ведь кажется, что все непременно замечают её смятение.

А потому всё ярче пыталась она представить себе встречу с сыном долгожданную. Верно, он вырос хорошо за эти седмицы. Так было без него тоскливо, всё казалось, что выбежит откуда, раздастся во дворе или в хоромаш его звонкий голос. Да после гибели отца он, конечно, сник сильно, всё поверить не мог. А после... после его просто забрали, словно оторвали часть души.

Хотелось добраться до Калиногоста поскорей. И путь туда лежал недалёкий, а казалось, что дни тянутся больно уж долго. В других весях, где останавливаться приходилось, немногие узнавали в Зимаве княгиню – да то и хорошо было. Любопытства людского она и не вытерпела бы теперь.

Как ни пыталась она время торопить, а показались очертания изб Калиногоста через столько дней, сколько нужно. Тогда бы Зимава и сама не отказалась на облучок сесть и скорее припустить до погоста, но пришлось терпеть, как с должной степенностью все доберутся до дома старосты местного Алкуна, который гостей, названных Чаяном, уж ждал, верно, давно.

Оказались глазастыми калиногостцы: как остановилась повозка у большой старостовой избы, он уж на пороге сеней встречал – доложили. Разулыбался, вышел к калитке самой, открыл ворота вместе с одним из своих отпрысков, в кото-

ром почудился даже на миг Радан – Зимава аж вздрогнула.

Помог Эрвар сойти на землю – а староста уж тут как тут. И жена-то его уже из избы выглядывает, поправляет платок, чтобы перед княгиней не совестно было за небрежный вид.

– Здрава будь, княгиня, – Алкун поклонился даже почти в пояс, хоть и почтительность его слегка нарушал любопытный взгляд, которым он то и дело одаривал.

– Поздорову, – та едва кивнула, уже выглядывая поверх его плеча и сжимая крепко руку Эрвара, который рядом стоял. – Сына моего уже привезли?

Мужик только руками развёл растерянно и оглянулся на своих домочадцев, что едва не толпились, готовясь приветствовать гостью.

– Дык не привезли ещё. Чаян Светоярыч сказал, что скоро. Но то когда было... Как он сам со своими людьми здесь останавливался. Может, задержало что...

Зимава даже шаг назад сделала, и первая мысль, что в голове тяжёлой после дороги качнулась: обманул Чаян. Посмеяться решил за всё, что она во зло Елице сделала. Какой бы уговор между ними ни был, а ни к чему это княжича не обязывало, если уж по совести-то рассудить.

Эрвар только ладонь её большим пальцем погладил, успокаивая.

– А давно сами княжичи тут были? – обратился к Алкуну.

– Да уж почти две седмицы как. Да до Остёрска от нас ближе, чем до Велеборска, – он потёр бороду. – Ты не пе-

реживай, княгиня. Со дня на день приедут. До гостинных изб тебя и людей твоих проводим: там уж всё готово. А пока проходи, раздели с нами хлеб-соль.

Зимава улыбнулась напряжённо, не желая обижать старосту невежливостью или пренебрежением. Прошла за ним, как снова он к избе повернул. Эрвар мягко погладил по плечу, так и оставаясь подле неё.

– Я воинов отправлю, прошарят дорогу на пути к Остёрску, – проговорил тихо, чуть к ней склонившись. – Там и прознаем, собирается ли Чаян вообще сына твоего сюда везти. А то вдруг недоброе что задумал.

Зимава подняла на него взор: на лице варяга ничего не отражалось – суровым оно было и серьёзным, как и всегда. Только рука ласковая необычайно придерживала сейчас её за талию – и не тревожило его, видно, что кмети, которые позади шли, всё видели. Странное дело – её тоже это уже не волновало. Лишь бы Радана всё ж увидеть.

Приняли в доме старосты тепло, хоть и смущённо слегка. Собралась вся большая семья его – еле уместились все за столом, да видно, к такому наплыву гостей тут были уже готовы. Светоярычи и большим отрядом тут проезжали.

Женщины: жена старосты да дочь младшая – посматривали на Зимаву с колким любопытством, хоть и скрыть пытались. Уж она догадывалась, что о ней болтали во всех весях княжества, да как-то свыкла уже – теперь другое беспокоило. А острый интерес местных баб – пусть. Уедет она

да, может, больше никогда здесь и не появится.

Пока гостили в тёплой избе, уж и вечер наступил – разошлись все отдыхать. Даже Зимава нынче уснула хорошо, хоть и тревожилась ещё за сына. А наутро, как встала, узнала от Оляны, что Эрвар, прихватив своих воинов, уже отбыл дальше по большаку: разведывать, не торопятся ли из Остёрска люди Чаяна.

А Зимаве в ожидании вестей от него – худых или радостных – пришлось время коротать на погосте. Собрались они с подругой на торг здешний: большой невидали там, конечно, не встретишь, да случается такое, что рукодельницы да мастера в отдалённых от столицы весях дивные украшения могут творить, каких и на прилавках заморских купцов не встретишь. А уж Калиногост славился тем, что в реках здешних, что с недалёких старых гор стекают, находят самоцветы диковинные. Не так часто, да от того они лишь ценнее становятся. Да стекло варят здесь узорное, чистое: мол, песок на берегах особенный. Потому и решила Зимава, что сумеет отвлечься хоть немного да любопытное что сыскать.

Прошли они с Оляной среди недлинных, но щедро выложенных товарами рядов, озираясь, проходя мимо ничем не интересных, дальше. Останавливались лишь изредка – чтобы взглянуть и дальше пойти. Да только разговор между двумя торговками, на прилавках которых лежала одёжа вышитая да рушники справно выбеленные, привлёк вдруг – стоило лишь услышать упоминание имени, которое так и трево-

жило до сих пор душу, сколько бы дней ни прошло.

– Не стал князем-то. Старший-то Светоярыч, – тихо, да не так, чтобы совсем уж скрыть, проговорила одна из женщин. – Вече ни того, ни другого не захотело на стол княжеский сажать.

Внутри так и похолодело всё. Зимава замерла, бездумно шупая ненужную ей вовсе рубаху. Кажется, мужскую даже. Оляна тоже уши наострила, поглядывая на неё.

– Да куда ж им, – махнула рукой вторая торговка. – Того и гляди беду какую ещё пуще прежней на люд навлекут.

Зимава улыбнулась сдержанно, как баба уставилась на неё вопросительно. Та и рот уже было открыла – сказать чего, а то и отвадить от прилавка, если ничего брать не собирается, но, окинув взглядом, тут же смягчилась. А подруга её продолжила ворчать:

– Они и тут дел натворили. Княжну забрали, княжича малого... – она вздохнула. – Думаешь, изгонят их теперь?

– Да хоть бы и изгнали – кому от того хуже станет... – торговка снова повернулась к Зимаве. – Приглянулось что?

Оляна её и за локоть тут же схватила да потащила прочь. Наслушались – хватит. Они прошли дальше, пока не скрылись из виду сплетницы. Зимава наконец высвободилась из судорожной хватки подруги и приостановила спешный шаг.

– Что же теперь? – выдохнула, запыхавшись совсем. – Если власти они теперь в Остёрске не имеют, то и Радана не привезут?

Так и сковало всё внутри страхом и разочарованием. Если изгонят их и правда, то что же будет с сыном? Вряд ли тому, кто станет княжить в Остёрске, нужен чужой отпрыск под боком. По телу пробежала холодная дрожь, а после Зимава и вовсе заколотило, как в лихорадке. Шаг и вовсе сбился, расплылись торговые ряды кругом. Оляна обеспокоенно заглянула ей в лицо, взяла за плечи, легонько встряхивая.

– Всё будет хорошо, слышишь? – донесся её голос глухо, словно Зимава вдруг стала туга на ухо.

– Всё рушится, – только и прошептала та, неподвижно глядя перед собой. – Права была Анисья. Пойдём назад.

Они вернулись к гостинным избам. И ничто уже не могло пробить глухую завесу страха за сына, что заволокла душу. Не радовало щедрое Дажьбожье око, тепло, что струилось между калин, которые и правда в изобилии росли вокруг и едва не в каждом дворе погоста. Не сулило больше ничего хорошего грядущее – всё отправило страшное понимание ошибок собственных и опрометчивости.

Зимава только и укрылась в отведённой для них с Оляной избе, не желая больше показываться на глаза никому. Словно всё вокруг стало вдруг давить булыжником на плечи, стискивать грудь, не давая дышать толком. Подруга собрала вечерю и почти силой заставила поесть. Что Зимава в себя запихнула, и не поняла толком. А после попросила лишь приготовить ей отвар сонный – иначе как уснуть? А сон – не только отдых, но и спасение от тягостных мыслей.

Да только ночь, глухая и тёмная, словно бесконечная глубина колодца Макоши, не принесла облегчения. За топкой, душной мглой пришёл сон, которого и не было бы лучше. Стояла Зимава посреди того овина, где Анисья ей судьбу предсказала. И пусто было кругом: ни хлеба, который просушить надобно, ни души хоть одной, кроме неё. Человеческой. Только в углу тёмном, далёком словно скреблось что-то. Зимава и хотела разглядеть маленькую скрюченную фигурку, что шевелилась там, не выходя под скупой свет то ли луны, то ли затянутого плотным покрывалом облаков светила – ничего нельзя было понять через тонкую, словно нить, полоску приоткрытого волока. И струился сквозь него такой свежий, хоть и ничтожный, ручеек свежего воздуха, что хотелось припасть к нему немедленно. Чтобы раскрылась будто бы спеленутая грудь и тело вновь жизнь почуяло. Да шаг сделать было страшно, потому как чудилось всё, что тварь эта, которая в углу притаилась, обязательно кинется и худое сотворит.

А босые ступни жгло сквозь половицы огнём, разведённым в ямнике. Словно сам Сварожич решил наказать за всё, воздать. И духом прелой соломы забивало всё нутро. И бежать бы надо отсюда, да с места никак не ступить.

Зазвучала тихая песня-заговор из сенцов, заплескала вода в огромной чаре – и Зимава вновь увидела мутные разводы в ней, которые покачивались, словно обрывки кожи, змеёй скинутой. Они плыли перед взором неспешно, переплетаясь

и сматываясь в тугие клубки, а после снова расходились, истончались и утекали, будто дымные нити, куда-то во мглу закопчённых стен овина.

Зимава вглядывалась в затейливые узоры, пытаясь понять, что делать ей дальше, чего ждать от грядущего, перебирала пальцами пряжу судьбы, не ею спрядённую – пойдя разберись. Да не ворожея она – читать по разводам на водной глади не умеет. Горели подошвы, словно в угли закопанные, поднимался жар, струился под подол, окутывал ноги, наполнял теплом нутро. И вдруг из сумрака дальнего угла выскочила та тварь неведомая – вцепилась когтями тонкими в плечи, а зубами острыми вонзилась в шею.

Зимава закричать хотела, да забулькала только, хлебнув собственной крови. А в другой миг – проснулась.

И поняла вдруг, что во дворе шумно, словно приехал кто-то. Она вскочила с постели и принялась быстро одеваться: оказалось, что уже полдень почти: светило стояло уж высоко на небосклоне. То и дело выглядывая в открытое окно, Зимава наконец привела себя в порядок: и где Оляна запропастилась? Но не успела она ещё завязать, как надобно, платок, как подруга вошла внутрь, радостно улыбаясь, отчего её округлые щеки аж лоснились.

– Привезли, – она сложила руки у груди. – Привезли всё ж! Иди скорей встречать!

Ловя разлетающиеся концы так и не завязанного пояса, Зимава выскочила во двор. Там толпилось несколько всад-

ников: не больше десятка – а между ними стояла повозка аккуратная, и прыгивал с неё мальчик, сам, без помощи старших.

– Радан! – окликнула его Зимава.

Он вскинул голову, разметал лёгкий ветерок его русые вихры. Сын припустил тут же к избе, не обращая внимания на оклики кметей, что сопровождали его. И совсем скоро окунулся в раскрытые объятия. Зимава уткнулась лицом в его шею теплую, мягкую, погладила по волосам ласково, не находя уже слов, какие можно было бы сказать. Всё нутро светом как будто наполнилось от встречи с Раданом, от ощущения его маленьких ладошек на плечах, от дыхания его, что путалось в прядях и касалось легонько уха.

– Я так скучала. Так скучала... – Зимава и хотела бы прижать его к себе сильнее, да боялась, что просто раздавит таким усилием.

– Я тоже скучал, матушка. Почему ты со мной не поехала? – Радан отстранился и посмотрел не по-детски серьезно в её глаза.

Как же вырос за эти луны! Вытянулся как будто и лицо его чуть поменялось, стало взрослее. Всего на чуточку – но и это было заметно.

– Я не могу. Не могу, не позволяет мне княжич с тобой быть. Но скоро всё закончится. Всё, слышишь? И мы вместе всегда будем.

– Я хотел бы, чтобы ты в Остёрск ко мне приехала, – улыб-

нулся мальчик, глядя её по голове поверх сползшего уже на сторону платка.

— Я тоже так хотела... — она осеклась. Горечью пронеслось в груди воспоминание о Чаяне и о том, что не сбылось. И уж теперь не сбудется, верно. — Тебе плохо там одному? Страшно?

Она слегка встряхнула сына за плечи. Но тот покачал головой.

— Без тебя плохо. Но там все хорошие. И учили меня кметы уж побольше, чем наши, — он выпятил губу, выказывая обиду на Велеборских воинов, которые хоть и возились порой с княжичем, да не слишком охотно: мал ещё даже для отрока.

— Не обижали тебя?

— Нет же! — возмутился Радан. — А ещё Елица туда приехала. Красивая такая. Она приехала, а ты не можешь!

Зимава снова его в охапку сгребла, унимая негодование. Кабы могла она объяснить ему всё, что на сердце камнем лежало. Да разве поймёт сейчас, в годы свои малые? Она окинула взглядом двор, где уже собрались и кметы, что с Зимавой приехали, и поняла вдруг, что нет здесь Эрвара и людей его. Неужто разминулись на дороге какой? Ведь должны были Радана встретить и с ним сюда вернуться. Поселилась тут же тревога в душе: как бы ничего дурного не случилось. Но и её теперь застилала радость от того, что Чаян всё ж обещание сдержал, что бы в жизни у него ни творилось. И отступи-

ла как будто жгучая на него обида – вновь под натиском сожаления, что не получилось его удержать. Да теперь уж как-то придётся без надежды на его благосклонность жизнь свою устраивать.

Дав наобниматься с Раданом, подошёл кметь из тех, что привезли его сюда. Окинул Зимаву пытливым взглядом, потрепал по макушке мальчика – и сразу видно стало, что и правда никто его не страшит, никто зла причинить не хочет.

– Два дня вам даёт Чаян повидаться, – проговорил он сухо. – После назад поедет. И вот ещё...

Он сунул руку в поясной кошель и вынул оттуда свёрнутый трубочкой листок бересты тонкой. Вложил в ладонь Зимавы и, опустив взгляд на Радана, который смотрел на него едва не с обожанием, подмигнул ему.

Она быстро развернула послание и улыбнулась даже, пробежав взглядом по строчкам, написанным рукой Чаяна. Едва удержалась, чтобы не коснуться.

“Даю срока два дня вам, чтобы вместе побыть. После, уж прости, Радан вернётся в Остёрск. Куда не увела бы меня сейчас недоля, а пока не разрешится всё, жить он будет там. Но ты поняла уж, что слово я своё держу. Потому, коли не станешь больше препоны мне и Елице строить, покушаться на жизнь брата моего, то и сын к тебе вернётся, как срок придёт”.

От каждого слова веяло нестерпимой стужей, будто заставлял он себя писать это, через себя переступал. И мер-

зостно так стало от понимания, что сама она до того довела. Но когда заметила, что на Елицу Чаян смотрит совсем не так, как хотелось бы, она уж ничего не смогла поделать с ревностью жгучей, которая, словно щёлок, душу разъедала. И толкнула на все поступки, от которых лишь сожаление теперь осталось, оседая липкой копотью на сердце.

Но сейчас она всё ж уверялась, что Чаян и правда её не обманет. Что не попытается вместишь на сыне её ту злобу и обиду, которую на Зимава затаил. И оттого казался замысел, вместе с Эрваром составленный да оговоренный десяток раз, теперь неоправданным и слишком жестоким. Ведь прольётся снова кровь тех, кто ничего не знал толком и ни в чём не был виноват. Да хоть кметь этот молодой, серьёзный, который стоял сейчас рядом, наблюдая, как Зимава раз за разом перечитывает послание Чаяна.

– Спасибо, – она снова сложила лист.

Взяла было Радана за руку, чтобы увести с собой, но воин остановил её, перехватил ладошку мальчика – а тот и шагнул за ним послушно.

– Он останется с нами, под присмотром, – сказал дружинник веско. – Ходить где будете, гулять – тоже под надзором, и жить он станет в нашей избе.

Зимава скомкала бересту жёсткую в пальцах, едва удерживая резкие слова, что жгли горло. И шагу теперь с сыном не сделать без соглядатаев! Но остыла быстро – пусть так. Теперь бы дождаться возвращения Эрвара и сказать, что

весь их уговор, вся придумка с тем, чтобы княжича отбить у остёрцев, останется только в словах. Пусть. Так ей спокойнее житься будет. А там, глядишь, всё разрешится и Радан вернётся к ней по воле Чаяна.

Но прошёл день до вечера самого, красноватого, залитого ответами багряного заката, что протягивал по небу своё полупрозрачное полотнище едва не до другого края. А Эрвар с дружиной своей так и не приехал. Зимава отвлеклась на сына, забылась в хлопотах и возне, совсем обычной, какая была раньше в Велеборске. И потому очнулась лишь перед самым, когда уж косы расплела и гребнем редким расчесала волосы, сидя на краю своей лавки. Она повернулась к Оляне, которая складывала рушник после того, как протёрла им миски.

– А Эрвар так и не возвращался сегодня? – подумала, может, что просто не довелось встретиться.

Подруга посмотрела на неё, приподняв бровь и плечом дёрнула недовольно.

– Уж не знаю, куда ты его отправила и где он запропастился, но нынче не приезжал.

Зимава так и руки опустила на колени, а после провела ладонью по груди, которую словно тисками сдавило. Что ж такое творится? Если одно налаживается, так обязательно в другом приходится худо.

Оляна скоро улеглась, а Зимава ещё полночи прислушивалась к звукам во дворе, надеясь вот-вот услышать топот

копыт и голоса варягов, что дали бы понять, что все тревоги были пустыми. Но всё ж сморила и её усталость после суматошного дня, хоть она и хотела бы ещё отодвинуть утро, наслаждаясь мыслью о том, что у них с сыном есть ещё целый день впереди.

Но утренняя заря, ранняя после недавно отгремевшего повсюду Ярилиного дня, не собиралась задерживаться в угоду людским заботам. Пролился свет её в хоромину сквозь приоткрытое окно. Ворвались первые голоса проснувшихся кметей и отдалённый шум веси. Зазвенел где-то у стены одинокий комар, раздражая и заставляя то и дело взмахивать рукой, отгоняя его. Зимава всё ж встала, потеряв надежду подремать ещё немного.

Она быстро собралась, не желая больше терять время, которое можно было бы провести с Раданом. Но всё ж, как пошли они вместе к реке – прогуляться, половить бабочек да посидеть на траве, щурясь от ласкового светила – она всё ж заглянула в соседнюю избу и справилась, не появлялся ли ещё Эрвар. Кмети, мрачно на неё посматривая, только головами замотали.

Стараясь не думать пока о словно провалившемся сквозь землю варяге, Зимава взяла Радима за руку и повела прочь от погоста, прислушиваясь к неспешным шагам остёрцев, которые без присмотра их оставлять вовсе не собирались, а потому сопровождали повсюду.

Минул день ещё быстрее, чем предыдущий. Зимава и го-

това была сковать сына объятиями и не отдавать больше никому, не отпускать в Остёрск, да некуда было ей деваться. Да и лучше пусть так будет – спокойнее. Не придётся переживать о возмездии от Чаяна, о погоне. Не вздрагивать и не шарахаться от каждой тени, куда бы ни завела дальше жизнь. А всё рано или поздно образуется. Верно, надо было то понять ещё как княжичи в ворота Велеборска въехали, не тревожить судьбу, не ворошить – и тогда на душе было бы сейчас легче. Да всего сделанного уж не воротишь.

Наутро отбыли остёрцы обратно, позволив попрощаться с Раданом, сколько душа требовала – не торопили, не одёргивали, хоть и видом своим давали понять, что слишком испытывать их терпение и задерживать не стоит. Зимава проводила вереницу воинов, что окружали повозку, которая увозила сына прочь, пока не пропали они совсем из вида. Прослонялась она по веси целый день, будто сама не своя: вспоминала всё те мгновения, что с ним рядом была.

Заволновались на другое утро кмети совсем уж буйно. Собрались во дворе изб гостинных, чтобы решить, как быть дальше: ждать возвращения Эрвара и людей его или отправлять кого на поиски их. Беспокоилась и Оляна, то и дело в окно выглядывая да причитая:

– Что ж случилось с ним такого? Не Леший же их проглотил?

Может, и Леший, – думалось в ответ на её ворчание. Для него варяги, верно, лакомые, что печиво с маком и мёдом:

уж их души давно заблудшими стали за то время, что служили они наёмниками далеко от своих земель. Таких только в чащобу и заводить да губить на потеху. Но только думалось, что вовсе не Хозяин леса их умыкнул. Может, сила гораздо более злая, чем он, а может, дела какие, о которых Эрвар княгине своей сказать не соизволил.

Пришлось почти день ждать их: никто из кметей Доброговых так за ними и не поехал. Решили выждать ещё немного. И вот, когда уж надежда увидеть их почти растаяла, показался отряд на подъезде к гостинным избам, на тропе той, что с другой стороны веи к ним подбегала, выскакивая покрытой бурой хвоей лентой откуда-то из его недр.

Зимава, о том прослышав, тут же во двор выскочила, пригляделась и обомлела тут же, ровно так, как опешили и кмети, вышедшие встречать заморских соратников. Не сразу в глаза бросилось, а когда подъехали они чуть ближе, что в отряде из людей ubyло. Да и те, что возвернулись, выглядели потрёпанными хорошенько. Многие ранены оказались, перевязаны кое-как. Руки у некоторых стягивали повязки тугие, у кого бедро, а то и плечо. Один лишь Эрвар, который ехал, вестимо, впереди всех, оказался, как будто невредим: да тут и удивляться нечему. Мало кто с ним потягаться мог в деле ратном.

Зимава так и бросилась к нему, едва не спотыкаясь о камни и собственный подол, который поддёрнуть пришлось. И бились слова в груди, которые произнести хотелось тут же, да

боялась она услышать ответ. Эрвар поймал её за плечи, пока совсем уж на него не налетела, махнул рукой людям своим, которые спешивались уж, добравшись до изб – идите. Да те всё ж задержались, как окружили их кмети, расспрашивая, какая-токая нелёгкая задержала на столько дней.

– Здравствуй, Зимава, – проговорил варяг хрипло.

– Где пропадали? – она обвела взглядом его перепачканное тёмными разводами подсохшей крови и пыли лицо.

– Поручение твоё выполняли, – он хмыкнул невесело.

Она посмотрела ему за спину, ожидая, как появится из леса ещё всадник, который вёз бы на седле Радана, а то и повозка его. Но нет. Тенистая глушь хранила тишину и переливалась только светлыми пятнами гуляющих среди ветвей лучей Ока.

– И что же?

– Остёрцы сильны оказались. Не зря их кашей по утрам в детинце кормят, – Эрвар повёл, видно, ушибленным крепко плечом.

И заметно тут стало: едва на ногах стоит от усталости, да не торопится отговориться и пойти отдыхать. Хранит что-то внутри, что сказать ещё надобно.

– Увезли его? – Зимава облегчённо улыбнулась. – Ну и пусть. Я всё равно хотела сказать тебе, чтобы не нападали на них. Так лучше. Ему не плохо там вовсе. Можно и подождать. Уверена, что Чаян...

– Убили его, Зимава, – уронил варяг. – Случайной стре-

лой. Не хотели мы, чтобы пострадал он, за так случилось. Забрать хотел тело, тебе привезти. Да остёрцы быстрее нас поспели. А люди мои преследовать их отказались. Потрепало нас. Сама видишь.

Зимава выпрямилась, шаря взглядом по лицу Эрвара. Вливались слова его в уши, да всё казались вздором одним. Не могло так случиться. Не могло. Она же в руках Радана не третьего дня держала... Обнимала, гладила по вихрам волнистым, нежным, что цыплячий пух. А сейчас понять нужно, что нет его больше?

Она вцепилась в локти Эрвара. Он говорил ещё что-то, может, успокоить пытался, может, объяснить... Но Зимава, видя теперь перед собой лишь размытые пятна вместо лиц, изб и леса, слышала только стук сердца собственного – какой-то глухой, медленный, словно хотело оно уже остановиться.

– Зимава... – прорвался оклик варяга.

Она оседала в его руках прямо на землю. Валилась кулём таким тяжёлым, будто набитым камнями. Но сил в теле вовсе не осталось, чтобы на ногах устоять. Эрвар пытался её удержать, да как будто и не мог. Ползла по ладоням ткань его рубахи, слепило небо будто в насмешку – ясное. Зимава всхлипнула, задыхаясь, и лишилась чувств.

Глава 4

Не хотели долго братья задерживаться в Остёрске, который вдруг стал к ним холоден и неприветлив. Только княгиня одна, кажется, не хотела от себя сыновей отпускать, хоть и понимала тоже, что рано или поздно уехать им надо будет: иначе без Сердца никто больше их не признает за наследников Светояра. А вот остальные, похоже, только и ждали пока братья отсюда уберутся уже. Словно, проживши здесь столько лет, они оставались под одной лишь защитой князя.

Елица на Чаяна сильно осерчала: мало того что облапил бесстыже в Калиногосте, так после ещё и невестой своей без согласия назвал при всех! А потому она старалась с княжичем нигде не встречаться, хоть он того и хотел. Сколько раз просила она Вею, чтобы та отваживала его от двери и напрямую говорила: княжна видеть наглеца не желает. Чаян сопел гневно, прорваться в горницу пытался, но наперсницу, конечно, сильно не теснил, хоть и мог силой-то своей её легко в сторону отодвинуть.

А нынче утром, всё ж оттолкнув слегка Вею, протиснулся одним плечом и сказал громко, заглядывая внутрь:

– Негоже так, Елица. Поговорить надо бы, – он отступил, когда женщина вновь на его пути встала. – Прошу. Прогуляемся нынче у озера. Всё мне выскажешь.

Так и не дождавшись от Елицы ответа, княжич вздохнул

и, перестав сопротивляться рьяному напору Веи, ушёл. Онаглянула на дверь, когда наставница ту закрыла, и снова от-вернулась к окну, у которого и сидела, наблюдая бездумно, как снуёт челядь по двору, будто бы чуть напуганная после того, как стол княжеский занял нежданно-негаданно Зна-слав.

– Может, всё ж поговоришь с ним? – Вея подошла и села на лавку рядом. – Вон как мается, бедный. С лица даже со-шёл как будто.

– А нечего было меня невестой без воли моей называть перед всеми людьми, – фыркнула она. – Я ему согласия ни на что не давала. Да и есть у него невеста, оказывается...

– Да разве ж то невеста... – наперсница осеклась под рез-ким тяжёлым взглядом Елицы.

– Мало мне нелюбви Любогневой, так он ещё под гнев бояр своих подставляет.

– Ну, хочется ему, чтобы ты невестой его была, – Вея всплеснула руками. – Разве ж в том его укоришь?

– А чего это ты его защищаешь? – Елица взглянула на женщину с подозрением. – Что же он? Когда другом мне успел стать, когда любим?

– Но поговорить-то ты с ним можешь. Там и скажешь всё то, что мне сказала.

Елица повела плечами, глядя, как вышедший из женского терема Чаян идёт через двор, лохматя волосы пятернёй. Рас-сердился крепко: то ли на неё, то ли на себя больше. Может,

и правда, стоит его выслушать? Бегай, не бегай, а в путь вместе снова отправляться, как Радан вернётся в детинец. Так уж княжич решил, что возвращения сына Зимавы дожждётся и приглядит-распорядится, чтобы тут его не обижали. А в дорогу лучше, верно, с лёгкой душой отправляться, чтобы не висело между ними никаких недомолвок, которые так и стягивали будто бы шею с того вечера в Калиногосте, когда многое себе княжич позволил, да потом вид сделал, словно не случилось ничего.

Чаян как будто прознал о её размышлениях, а потому после обедни послал отрока своего Радая к Елице снова – выведать, что она решила. Мальчишка, ожидая ответа, долго переминался на пороге светлицы под взглядами женщин, которые рукоделием в этот миг здесь заняты были. Елица помолчала, конечно, после его вопроса – и отрок даже вспотел слегка от напряжения.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Передай Чаяну, что встречусь с ним.

Парень кивнул и поспешно скрылся за дверью.

Вечером, как снова пришёл посыльный от княжича, Елица прихватила с собой Вею и пошла за ним, отложив все дела до завтра. Радай проводил её до ворот детинца, где ждали уже лошади запряжённые. Наставница хмыкнула насмешливо, переглянувшись с Елицей: видно, ещё одного человека на прогулке Чаян никак не ждал. Он уже стоял тут же, держа под узду своего коня. Заметив Вею, помрачнел, конечно, но

смог всё же натянуть на губы приветливую улыбку.

— Я с тобой хотел поговорить, Елица, — вздохнул с сожалением, уже собираясь отослать женщину прочь. — Но никак не со всем теремом вашим.

— А Веля ничем нам не помешает, — она качнула головой упрямо. — И от неё я ничего скрыть не хочу. Да и тебя это как-то урезонит малость, если вздумаешь руки свои распускать.

Чаян осерчал немного, похоже, но перечить не стал. Махнул рукой отроку, который всё ещё поблизости околачивался, и сказал что-то тихо. Мальчишка кивнул и умчался. А скоро выкатил к воротам повозку небольшую запряжённую — как раз только троим туда и поместиться. На облучёк вскочил сам Радай, Чаян помог подняться в неё Елице и Вее, улыбнувшись наперснице нарочито ласково.

Выехали они в посад шумный, а скоро и вовсе за околицу, через весь тихую и малолюдную уж по вечернему часу. Проскакали по застывшим после дождя колдобинам широкой дорожки, что бежала от стен Остёрска вдоль рва сначала, а потом выворачивала к реке. Недолго пришлось до озера того добираться — их тут было очень много: обширных и маленьких, словно запруды.

Но то, что лежало сейчас впереди, раскинув блестящие воды далёко во все стороны, было большим: другой берег его терялся где-то вдалеке тонкой тёмной полоской растущего по берегу леса. Елица, как остановилась повозка, тут же сама наземь спрыгнула и пошла к воде, любуясь тем, как золотит-

ся спокойная гладь светом приближающегося заката.

– Вот хитрый какой, – усмехнулась за спиной Вея. – Знал, куда везти.

Чаян фыркнул тихо на её слова с заметным самодовольством. И быстро нагнал, пошёл рядом, пока ничего не говоря. Наставница осталась всё ж в стороне вместе с отроком. Тихо курлыкали птицы в зарослях молодой осоки, что едва только выглядывала ещё из воды. Но стоило приблизиться к ним – смолкли. Вспорхнул пёстрый кулик поодаль и снова скрылся в траве, метнувшись вдоль берега.

Елица остановилась, неспешно, с наслаждением вдыхая сырой воздух, что перетекал прохладными потоками над озером, трогал осторожными пальцами камыши и рогоз.

– Нравится? – тихо спросил Чаян, выждав пару мгновений.

Елица повернулась к нему, обвела взглядом лицо, спокойное, умиротворённое даже, словно края родные, с детства знакомые, умели унимать любую бурю в его душе.

– Красиво у вас, – она вновь посмотрела в даль. – Так и не скажешь, что Сердца вы лишились. Будто бы всё, как обычно. Как и у нас.

– Так мы ж тут не в чаще лесной живём, не лычаки одни с весны до осени носим, – княжич пожал плечом. – Мы и есть – такие же, как и вы. Только трудностей нам выпадает, наверное, больше. И я хотел бы избавить людей, которые страдают везде, где ни появились бы, от этой недоли... – он

помолчал немного. — И хочу, чтобы ты была рядом, Елица. Не потому что ты княжна и наследница Борины.

Она открыла было рот, чтобы возразить что-то, но Чаян поднял руку, останавливая. Она выждала чуть, выслушав несколько собственных быстрых вдохов и выдохов. И всё же ответила:

— Меня ты забыл о том спросить. Разве гоже мне сходить с тем, кто воевал с моим отцом так долго? Столько людей погубил в княжестве. Земли разорил по весне. Всё забылось, думаешь?

Чаян pokrивил губами, будто выслушал в очередной раз то, что гнал от себя постоянно. Да кто из них сейчас мог бы похвастаться поведением праведным, тем, за которое не стыдно ни перед кем?

— Отец твой тоже разорил наши земли. Только по-другому. И людей своих сам погубил, когда не захотел возвращать отцу то, что ему по праву принадлежало. Но я не о том хочу от тебя услышать. Не об ошибках наших родичей, за которые нам выпало расплачиваться. Услышать хочу, согласишься ли моей женой стать? Как скину я проклятие. Как сватовство вновь станешь принимать.

Он осторожно коснулся кончиками пальцев ладони Елицы, задержал на миг, выжидая, что делать станет. Она отстранилась — и княжич кулак сжал, а по лицу его, сглаженному мягким светом, что путался в его светлой бороде, в прядях, почти кучерявых, пробежало нечто на боль похожее.

– Я не могу тебе ничего сказать, Чаян, – Елица сделала шаг в сторону, разрывая самую тонкую, связь и не позволяя выстроить её вновь. – Слишком быстро всё. Слишком торопишься ты, хоть и не знаешь меня вовсе.

– Знаю, – княжич покачал головой. – Будто всю жизнь. Тогда скажи мне, что я надеяться ещё могу. И того мне станет достаточно.

Елица вздохнула тихо, набрав перед тем полную грудь воздуха. И билось в этот миг внутри что-то, взмахивало трепещущими крыльями, тревожно, словно от опасности скрыться хотело, да вырваться не могло. Растекалась по телу дурнота от волнения, и Елица с горечью и досадой понимала, что не может сказать сейчас Чаяну резкое “нет”. Но и подтвердить его надежды – тоже. Так и молчала она, наблюдая, как подкатывает к самым ступням озёрная вода, гладит песчаную полосу берега, смывает с него обломки веточек и мелкие камушки, а после возвращает, словно извиняется за шалость.

Чаян выждал немного, позволяя обдумать всё, а после пошарил на поясе и вынул из кошелька что-то блестящее. Елица невольно скосила глаза: он держал, перекатывая в пальцах, обручье серебряное, в пядь шириной с узором в виде Макоши и всадников её по обеим сторонам. Тонкая работа, выполненная явно человеком, который смыслил в обережных знаках многое.

– Коли ничего мне больше сказать не хочешь, то уж про-

сти меня за всё. За всё, чем обидел тебя. И вот, – он протянул обручье. – Коли решишь вдруг, что я сгожусь тебе в мужья, то надень просто – и я пойму всё.

Холодное украшение легло в ладонь, которую Елица протянула почти неосознанно. От мысли, что может прийти такой день, когда доведётся надеть его, становилось как-то горячо в голове. Ещё несколько лун назад она и подумать о том не могла бы. А сейчас... Разобраться бы в том, что Макошь ей нитями на судьбе напутала. А там и видно станет.

Пока она подарок Чаяна спрятала от глаз Веи – а то неровен час расспрашивать примется да домысливать на свой лад то, что Елица говорить ей не захочет. А коли одна баба знает, так и все, посчитай. И без того её почти что замуж за княжича выдали, а там и вовсе спасения от сплетен не будет.

– Спасибо. Но то, что я приняла его, не значит ничего, – всё ж решила уточнить Елица.

Чаян покивал и вдруг опустился наземь, сложил руки на согнутые колени и в озёрную, уже подёрнутую к вечеру туманом даль уставился.

– Езжай обратно. Я сам до детинца доберусь, – бросил отстранённо.

Как будто осерчал люто, несмотря на все объяснения. Словно уязвила Елица его самые лучшие чувства. Она медленно пошла обратно к повозке, слушая ещё его дыхание ровное, хоть и рассерженное, а после – шорох травы под ногами и тихий плеск воды.

Радай, кажется, вовсе не удивился решению Чаяна остаться на берегу, молча сел на облучок снова, перестав гонять веточкой муравьёв на тропинке, и к городу резво повернул. А Елица не удержалась – обернулась всё ж на княжича, пока ещё не скрылись в лесу. Он сидел, уперев лоб в ладонь, крепко о чём-то задумавшись. И как будто даже жаль его стало на миг: ведь ехал в Остёрск с надеждами на то, что князем станет, а вот теперь он такая же неприкаянная душа, как и она. И, верно, остаётся одно: вместе путь этот продолжать да искать ответы, которые могли бы жизнь их снова вернуть в привычное спокойное русло. Но только она, как и река, вечно текущая и обновляющая воды, прежней уже никогда не станет.

До Остёрска добрались, как смеркаться уж начало. Наполнила воздух зыбкая мгла, перетекали в ней, словно в киселе, голоса сверчков и птиц, что уже скоро должны были смолкнуть. И всё было, кажется, спокойно, да навстречу повозке выскочил, едва под копыта не попав, отрок совсем ещё юный. Елица-то и своих в Велеборске не всех по именам знала, а тут и вовсе.

Он выпучил глаза, схватился за повод мерина, который, напугавшись больше, чем он, теперь недовольно пофыркивал и прядал ушами.

– Княжна, – выпалил мальчишка, выглядывая из-за лошади. – Скорее, твоя помощь нужна.

Она тут же из повозки выбралась, гадая, зачем понадо-

биться кому-то могла, да ещё и так скоро. Махнула Вее – в горницу иди. Но не успела ещё отрока ни о чём расспросить, как вышел со двора дружинного навстречу Леден, оглядывая всех, кто возле повозки сейчас стоял.

– А Чаян где? – бросил сухо, без приветствия, хоть и не виделись ещё сегодня. – Вы вместе с ним уехали, кажется?

И такое негодование страшное вдруг в груди вспыхнуло, как не было в мгновения самых страшных обид на старшего Светоярыча. Но и в глазах Ледена сейчас плясали злые искры, словно крошево льдистое пересыпалось. А может, просто казалось так. Но княжич был явно рассержен чем-то. Уж тем, что случилось, или прогулкой Елицы с братом?

– Чаян остался. Решил один побыть, – ответила она в том же духе.

Леден и брови приподнял слегка, внимательно оглядывая её лицо. И, кажется, успокоился даже немного.

– Идём, тут без тебя, знать, не справиться, – он повернул к терему, безмолвно приказывая за ним идти.

Елица и пошла, едва на бег не сбиваясь, чтобы догнать его – таким широким шагом он шёл, вовсе не заботясь о том, что она отстаёт.

– Так что случилось-то? – спросила, как сумела с ним поравняться.

– Радана привезли недавно. Можно сказать уж, только что, – Леден заложил руки за спину и опустил на неё взор. – Ранен он сильно. Говорят, почти в себя не приходит. Муча-

ется всё, жар у него.

Елица так и ухватила княжича под локоть: колени её подкосило прямо на ходу. Леден поймал за руку, сжал в ладони своей, обдав до локтя лёгкой прохладой. Потянул за собой вверх по всходу и отвёл внутрь терема. И всё это время Елица даже слова вымолвить не могла лишнего: до того страшно стало за Радана. Как случиться такое могло?

– Кто ранил-то? – всё ж спросила она, пока шли до нужной хоромины.

– Кмети говорят, после встречи с Зимавой по дороге на них варяжья ватага налетела. Да быстро они отхлынули, как поняли, что совладать не смогут. Наверное, Радана забрать хотели. Да сами же и ранили случайно.

– Варяги? – Елица сильнее сжала пальцами ладонь Ледена, за которую так и продолжала цепляться. И отпускать её не хотелось. – Откуда?

– А как ты думаешь, откуда им рядом с княгиней взяться? – Эрвар?

Леден кивнул только. На миг он приостановился перед дверью и открыл её, пропуская Елицу внутрь. Душно тут было, травами пахло и раной несвежей – едва заметно, сладковато.хлопотали в полумраке две челядинки, заменяя воду в кадке, что стояла у лавки, на которой лежал, вытянувшись, Радан. Мальчик не шевелился, только дышал рвано и часто. Иногда грудь его замирала на миг – тогда внутри аж ёкало – вдруг не начнёт вздыматься снова?

Елица быстро подошла к нему, одеяло отогнула и осмотрела рану, что осталась в боку Радана, едва затянутая зыбкой коркой, воспалённая, даже чуть потемневшая на рваных краях. Наконечники на стрелах, видно, хитрые были. Да много раз она слышала, что ватажники с севера, затерявшись в дружине Борицы, исподволь служили Эрвару одному, его приказы выполняли. Да Зимава, вестимо. И порой они сражались нечестно, подло, используя как раз вот такие уловки: если и ранил стрелой, хлопот этим много доставил, потому как наконечник достать сложно. Да только кабы знали они, что этим могут и невинной вовсе душе навредить.

– В ближайшей веси от места того, где напали на отряд наш, лекарка вынула стрелу. Травками залечить попыталась, но плохо помогло, – снова заговорил Леден, остановившись рядом. – Вот его сюда и повезли. Решили, что наши лекари всяко лучше.

– А я чем могу помочь? – едва ворочая онемевшим языком, пробормотала Елица. – Я ж не лекарка, не знахарка и не травница.

– Заговаривать раны ты умеешь, кажется, лучше многих, я слышал, – в голосе княжича послышалась ободряющая улыбка. – Помогать можешь там, где лекарки не могут.

– Ты выдумал всё, – Елица повела плечом. – У тебя другое было...

И вдруг легла его ладонь рядом с шеей, сжала слегка – и по спине пронеслась дрожь лёгкая – не от холода вовсе или

страха. Захотелось вдруг вынуть из кошелья обручье, что подарил Чаян и показать ему, спросить, что он о женитьбе брата думает? Увидеть на его лице хоть какие-то ответы. Елица слегка склонила голову к его руке – да не коснёшься ведь.

– Я не выдумал. Этот ты в себя веришь мало. Ты посмотри, может, поймёшь чего? Как помочь можно.

Елица, отогнав челядинку, села рядом с лавкой, где лежал Радан. Попробовала заговор простенький, чтобы на рану его наложить, успокоить хворь, что растекалась уже во все стороны от неё по телу. Но не нашла отклика даже самого малого, словно душа мальчика, жива его внутренняя, забились уже куда-то очень глубоко, готовясь совсем уйти. И пустота такая расплескалась в груди от понимания этого – холодная, гулкая. Елица отдёрнула руку.

– Я не могу. Он... – слова вдруг закончились все разом.

Она смотрела в неподвижное, бледное лицо Радана, так ясно, как никогда ещё в жизни, понимая, что помочь ему и правда не сумеет. Не дотянется. Заканчивается её власть там, где жизнь ещё теплится, где стремится ростком хотя бы самым малым к свету – протяни руку, помоги словами сильными – и вызволишь. А тут всё погрязло во мраке и, кажется, потекла уже душа маленького княжича к реке Смородине.

– Что? – переспросил Леден.

Она встала резко и тут же попала в оковы рук его, что схватили за плечи. Елица и хотела бы вытряхнуть из души тот сор безысходности, которым она наполнилась – как из

мешка старого пыль – а не могла. И слёзы застыли в глазах жгучие – не разревётся бы. Леден встряхнул её легонько, призывая посмотреть на него.

– Я не смогу. Не смогу дотянуться.

– Если ты не сможешь, то некому больше, – укорил её княжич за слабость невольную и сомнение.

Она всё ж посмотрела на него. Скользнула по губам Ледена едва заметная улыбка – дух её поднять хоть немного. А ладони его легонько потёрли плечи – вверх и вниз. Елица прищурилась, всматриваясь пуще, и вдруг едва не вздрогнула от догадки смелой, но пока что неверной. Она обхватила его лицо так резко и неожиданно, что княжич едва назад не прыгнул. Но замер в ожидании, слегка, кажется, побледнев. Елица погладила его колючие щёки большими пальцами, улыбаясь невесть чему. И почувствовала внутри него знакомый уже холод, которого исподволь стала опасаться немного меньше с той ночи в пещере, хоть и понимала, что вреда он может причинить много, если в недобрый миг с ним столкнуться.

– Еля, – хрипло сказал Леден, видно, не понимая её совсем, но не отстраняясь. – Скажи хоть что-нибудь, иначе...

– Ты можешь ему помочь.

Княжич нахмурился и всё же отступил, выскальзывая из её рук, оставив на ладонях будто изморозь тающую. Елица шагнула за ним. Как бы объяснить теперь смутные свои ощущения, как бы указать дорогу верную, по которой ему пройти нужно, чтобы помочь Радану. Да и захочет ли?

– Ты шутишь, – покачал головой Леден. – Я никому не могу помочь. Особенно к жизни вернуться. Не для того меня Морана в Явь возвращала.

– А для чего?

– Чтобы больше жизней в её мир отправил.

– Так то любой воин может. А ты – особенный. Ты в Навь ходить можешь, и в Яви живёшь. Между мирами находишься постоянно, а не замечаешь того, потому что привык.

Леден, похоже, бежать из горницы передумал: прислушался да призадумался крепко. Не всякий раз легко можно осознать то, что изо дня в день сопровождает, словно дыхание собственное. Кабы каждый задумывался над тем, как оно – ходить – так и спотыкаться бы стал на каждом шагу.

– Особенный, – хмыкнул он наконец. – Так если по грани хожу, чем выручить могу мальчишку?

– Укажи ему верный путь – назад.

Елица подошла снова и осторожно взяла его ладони, пытается хоть немного почувствовать в нём этот надрыв, его незаживающую рану, что осталась с самой юности. Призвала на помощь Макошь и силу её всетворящую, силу Матери Земли. Первый раз она хотела понять другую его сторону, стараясь отринуть страх перед ней. И, кажется, начала вдруг проваливаться будто бы в песок мокрый, погружаться медленно всем телом.

– Ты только подскажи мне. Подскажи, Еля, – Леден склонил голову, всматриваясь в глаза её неподвижно – словно то-

нул. — А я...

Он положил осторожно ладони ей на талию и к себе чуть привлёк, на полшажочка. Сердце дрогнуло, обдавая всё тело душным трепетом. Елица провела по скулам княжича вверх, расчесала пальцами волосы на висках. И он обволок её сильнее — собой как будто, силой своей внутренней, дарованной Мораной. Так, верно, умирают во сне. Затихает всё внутри, угасает, а разум в этот миг качает на волнах сновидения: спокойного ли, страшного — не важно — может, и того, и другого вместе. Как сейчас хорошо было смотреть в глаза Леде-на, чувствуя тяжесть его рук, чувствуя, как поглаживает он мягко поверх ткани, и в то же время не по себе становилось смутно.

Качнулась ткань платка и подол лёгкий — рубахи, как открылась дверь в хоромину. Леден отпустил Елицу, а она — его — и вдохнула наконец. Обжёг сухой душный воздух гор-тань и глаза будто песком присыпало. Кололо легонько кон-чики пальцев, точно держала она в них только что выну-тую из подклета холодную крынку молока. Она обернулась медленно, словно перестала телом своим владеть и заново к нему теперь привыкала.

Чаян стоял у двери, дыша тяжело, будто бежал-торопился сюда от самого озера. Окинул взглядом брата поначалу, а по-сле и Елицу — да кулаки сжал.

Елица уж и приготовилась вразумлять его, гнев унимать от того, что неверно он всё понял увиденное. Да не пришлось.

– Что, совсем плох мальчонка? – покосился княжич на Радана, который и не шевельнулся ни разу за всё это время.

Странно, что Чаян так скоро вслед за Елицей в детинце оказался. Да, похоже, простояли они с Леденом здесь дольше, чем им обоим привиделось.

– Совсем плох. Но надеюсь, что лучше будет, – спокойно ответила Елица.

И сил не было сейчас ни на одно слово лишнее. Она была теперь в этой хоромине, и в то же время как будто осталась частью своей в теле Ледена, словно пленил он её, забрал себе – и сейчас стоял рядом, молчал, и взгляд его был отстранённым и мутным.

– Это как же? – Чаян свёл брови, вопросительно рассматривая братца: верно, заметил, что с ним творится что-то неладное.

– Леден ему поможет. Вызволит с грани между мирами. Выведет с берега Смородины, – словно чужие слова произносила Елица. Словно говорил сейчас за неё кто-то более в этом сведущий. Макошь или Морана то была? – Я живу свою ему отдала. На время. Так легче ему будет за Явь удержаться и Радана вывести.

– Живу отдала? – мгновенно взъярился княжич, уже было успокоившись. Шагнул к ней, да Елица отшатнулась. – С ума сошла? Он сожрёт всё, не вернёт потом!

– То я решу, тебя не спрошу, Чаян, – ответила твёрдо. – Ты жизни моей не хозяин. И ничьей! Уразумей уж. А по-

другому не могу брата спасти. Только через него.

Чаян вздохнул резко, словно рвались с губ его слова недобрые, злые. Точно кулаком наотмашь ударил он Ледена взглядом, да тот и с места не двинулся, погружённый глубоко в себя – только повернул чуть голову, склонил, приглядываясь к брату. И казалось сейчас, что кинется на него одним прыжком, раздавит, размелет в пыль той мощью, что явственно перетекала в нём. Будто жива Елицы наполнила его такой бурей, которую не удержать.

– Мешаешь только. Сгинь, – бросил он веско. – Без тебя разберёмся.

Чаян и воздух втянул шумно, дрогнула верхняя губа его в недобром оскале, но – удивительно! – он просто развернулся и прочь вышел. Елица, удивлённая тем немало смотрела ему вслед ещё пару мгновений.

– Что делать – рассказывай, – почти шёпотом проговорил Леден прямо над плечом.

Мазнуло его дыхание по виску – а пальцы самыми кончиками коснулись платка её у затылка – и не почувствуешь, может, если ждать не будешь. А она ждала, хоть и не задумывалась о том. Ведь сейчас они словно нитями тонкими да вместе спутанными связаны до самого мига, как разорвать их придётся – и потому Ледена тянуло к ней, будто к части своего собственного тела. И хотелось – стыдно признаться даже самой себе – чтобы так всегда было.

Елица шагнула вперёд – к лавке, где лежал Радан, сглот-

нула слюну липкую и горькую, будто полыни пожевала.

– Я направляю тебя, а ты должен его увидеть и назад позвать. Тогда и рана начнёт затягиваться.

Она присела на корточки перед постелью княжича и рукой махнула Ледену – рядом садись. Тот повиновался, не сводя с неё взгляда замороженного. И дышал он сейчас так жарко, полной грудью, словно надышаться не мог.

– Что творится со мной, Еля? – всё ж спросил, хоть и не хотел, верно.

– Пройдёт, – она отвернулась, чтобы не видеть его одухотворённого лица.

А то и сама ведь проникнется. Взяла прохладную ладонь Радана в свою, стиснула крепко. Хоть и жар его мучает, а тело уж пустеет, не держит тепла и жизни. Другую руку мальчика она вложила в пальцы Ледена. И вновь облепила со всех сторон словно земля, дождями пропитанная. Влажная, холодная – от неё зябло всё до костей самых. Плеснуло в лицо водой – ни холодной, ни тёплой – никакой. Лишь осталось дыхание Смородины, бегущей нынче где-то рядом, каплями тяжёлыми, дорожками тонкими, что, стекая, тревожили самые мелкие волоски на коже. И вкуса у воды этой тоже не было. Как не было вкуса у смерти. Хоть у каждого она своя.

Мелькнуло светлое пятно незапятнанной ошибками и печалью души, остановилось вдалеке, покачиваясь, словно растворяясь. То принимало оно очертания мальчишеской фигуры, то снова расплывалось – ещё немного, и поздно ста-

нет.

“Зови”, – прозвучал в голове голос, свой и чужой как будто.

Елица сжала крепче маленькую ладошку княжича. А её вдруг оказалась похожа на лапку птичью – такая сухонькая, тонкая. Жива внутренняя вдруг вся хлынула в Ледена, который рядом сидел, не отвечая и не уходя. Застлало взор фигурой высокой и тёмной, что осколок зимних сумерек. Елица отшатнулась от неё, испугавшись – и совсем перестала видеть хоть что-то, словно кувшином тонкостенным упала на камни и разбилась.

Очнулась она словно в колыбели, в которую запихнули её неведомо какой силой и зачем. Тепло было, тесно, но и спокойно так, будто оказалась и правда в далёком прошлом, когда укачивала её матушка, напевая тихую песню. Не понимала она слов, лишь звучал повсюду, наполняя хоромину просторную, голос её – ласковый, самый приятный на свете. Елица не помнила матери до этого – та умерла, когда она ещё совсем мала была и не понимала, верно, ничего – остались только обрывки образов. Запах её, молока и трав, песня, почти неразличимая в вечерней тишине. “Не шали, Отрад, – всплеском строгим. – Спит Еля”.

Она протянула руки, как тянет младенец их к матери, узнавая знакомые черты её лица среди огромного мира – и неожиданно обхватила вдруг шею крепкую и слишком широкую для женщины. Распахнула глаза и уставилась тут же на

губы Ледена, которые были так близко – прямо перед глазами. А она продолжала тянуть его к себе.

– Отдал всё, что взял, – губы шевельнулись. Мелькнули белые зубы. И дыхание привычно прохладное скользнуло по лицу. – Но, если хочешь, ещё больше отдам, Еля.

Она подняла взор: серо-голубые глаза княжича улыбались, тая лёгкую насмешку. Тёплую, что капля мёда, которая тает в прозрачной воде. Елица отдёргнула руки – и Леден выпрямился, освободившись от неожиданно крепкой её хватки. Вот уж вцепилась – даже совестно.

– Прости, – она потупилась.

Что ещё сказать? Неловко так вышло. Елица села на лавке, на которую её уложил, верно, тоже Леден. И оказалось, что в горнице своей уже – а за окном ночь прозрачная, сиреневая – летняя.

– Не за что извиняться, – он всё же провёл по шее ладонью, чуть потянул её, поглядывая с притворным укором.

– Получилось?

Леден кивнул. Качнулся на его лице свет лучин, делая глубже следы усталости на нём. Елица-то, хоть и в беспмятстве, да отдохнула немного. А он ещё не спал, хоть час совсем уж поздний. Кашлянула тихо Вея, которая тоже, оказывается, здесь была. И по щекам вовсе румянец горячий растёкся: всё видела. Подумает ещё, что на княжича с ласками кидалась.

Тот встал с пола, где сидел, оказывается, у лавки её. Дав-

но? Или не слишком долго ждать пришлось, как в себя она придёт снова? Одёрнул рубаху, чуть влажную, верно, от пота – да и не удивительно. Каких усилий стоило ему вытянуть Радана от реки, что звала его, увлекала в Нижний мир. Качнулся в воздухе запах его острый, но не сказать, что неприятный – мужской. Стали, ночи душной, грозы, что закипала в чёрных тучах на дальнем окоёме. И кожи, влажной и липкой – Елица чувствовала её под ладонями, когда обнимала его.

– Спасибо, княжна, – Леден шагнул к двери, стараясь не смотреть на неё, сколько бы она ни пыталась поймать его взгляд.

– За что? – она улыбнулась недоуменно, обхватив себя руками за плечи.

– За то, что дала почувствовать себя... наполненным.

Он улыбнулся криво и, кивнув на ходу Вее, вышел из горницы. Наперсница вздохнула, коротко глянув на дверь, а после подошла только. Села вновь рядом и, обняв Елицу, притянула её к себе.

– Всегда знала, что ты непростая, – заговорила она тихо, покачиваясь назад-вперёд. – Но чтобы так. Верно, Сновида не зря свой хлеб ела, когда учила тебя. Раскрыла силу твою внутреннюю.

– Так отец разве платил ей? – Елица попыталась посмотреть на женщину, но та не позволила – удержала.

– Не платил, да помогал всё ж. Привозили от него и зерно

ей, и хлеб, и другое, что нужно. Они давно с Борилой знали. Говорили одно время, что помогла она ему чем-то.

О том Елица и сама знала. Да только чем Сновида помогла отцу – о том ни её, ни его не спрашивала. Мало ли какие дела давние их связывают. А сейчас вдруг таким важным это показалось. Выведать бы у кого, да теперь уж не получится: может, и Сновида умерла уже. Как узнать, через столько-то вёрст?

Елица промолчала, не находя больше слов. Хоть и вернулись силы к ней, что она отдала Ледену, чтобы справился он с той заковыкой, которая перед ними встала, а всё равно в голове словно муть какая билась тугим комком.

И никак не удавалось прогнать из памяти образы размытые, казалось бы, но такие яркие, что стояли они до сих пор перед взором.

Наутро, лишь рассвело, Елица поднялась, преодолевая застоялую немочь во всем теле. Будто болела долго, в лихорадке лежала, а теперь вот отпустил наконец жар, но каждая мышца ещё хранит отголоски пережитых мучений. Она собралась и проведала Радима. Мальчик был ещё слаб, но хотя бы в себя пришёл – и оттого радостно становилось, что не пришлось силы зря тратить. Пусть радость эта и оказалась подёрнутой мутной пеленой горечи. Зимава-то, верно, сына своего теперь мёртвым считает.

А на обратном пути до своей горницы Елица повстречала челядинку, которая разыскивали её по велению Чаяна.

— Княжич передать просил, — запыхавшись, выпалила та, — что завтра в путь нужно отправляться. Потому сказал, чтобы собиралась ты, княжна. Раз брат твой теперь на поправку пойдёт.

Уж кто бы сомневаться мог, что Чаян пожелает как можно скорее из детинца уехать, как только всё, что ещё задерживало их здесь, закончилось. Елица отпустила челядинку и вернулась к себе, собираясь нынче отдохнуть, заглушив голос совести: всё ж не слишком сейчас хорошо ей, а путь впереди неведомо какой длинный.

Глава 5

Вышемила ждала возвращения сестры, точно наказания какого. Уж лучше бы ей побыть побольше с Раданом, а там и подобрела бы, может. Угроза, что придётся в Логост возвращаться, так и засела в нутре, пугая каждый день, вспыхивая в мыслях внезапно и в любой миг: за рукоделием или работой, перед сном и сразу после пробуждения. Словно в холодную воду окунало понимание: с Леденом свидеться она и не успеет больше, до того, как уехать придётся. А там, может, и забудет он о ней, коли с глаз исчезнуть, или решит, что больше ей и не нужен? Как хотела бы Вышемила совета у кого спросить, да с Зимавой о княжиче остёрском, что так крепко в душу запал, она говорить не решилась бы. У Елицы своих забот столько, что и вздохнуть ей, бедняжке, некогда. А Тана, как скажешь ей что, так сразу родителям передаст при первой же okazji.

И может, в том не виделось ничего страшного: надеялась Вышемила, что Леден всё ж не бросит её после всего, что случилось. Только уверенности в том, конечно, не было. Да ещё и отец не всякого жениха примет: сам решать станет, кто достоин. Правда, знать не знает пока, что с ней в Велеборске случилось.

И потому хотелось отложить отъезд хоть ненадолго, а там – вдруг судьба благоволит станет? – и Леден сюда вер-

нётся. А может, и за ней всё ж?

А пока она оставалась в Велеборске, к которому привыкла уже за луну последнюю, как к дому родному. Верно, потому что было здесь то, к чему душа рвалась. Никуда особо выходить она не пыталась: после случая того, как напали на неё в лесу тати, она вообще старалась оставаться там, где много надёжных людей – оттого ей становилось спокойнее. Ведь, хоть и пыталась она показать, что всё хорошо, что забылся тот вечер, отболел, а невольный страх пробирал от одной лишь мысли, чтобы с девушками знакомыми куда-то за городские стены пройти: к реке, посекретничать, или пособирать листы земляники для душистых отваров. Тана ругала её, конечно, за это добровольное затворничество. Выгоняла каждый день хотя бы в саду пройти: там-то, кажется, никто подкараулить не мог – и сопровождала постоянно везде.

Вот сегодня, чтобы отвлечь подопечную от нерадостных мыслей о возвращении в Логост, Тана позвала её по торгу пройти: прибыло последний раз много купцов разных, которые и с севера на юг добирались через Велеборск, и в обратную сторону – никто не забывал в городе остановиться, чтобы и здесь поторговать. Как такую выгоду упустить? Принимал порой каждый день Доброга тех, кто желал благосклонность свою и признательность за то, что в Велеборске торговать разрешили, выразить. До отъезда принимала их Зимава, а теперь вот, кроме старшего боярина, и некому было. Совсем все в невзгодах своих и заботах погрязли. Но

стража городская, что у ворот все обозы встречала, работала справно под надзором выученных десятников – а потому порядок в посаде оставался нерушимым.

Дажьбожье око сияло нынче жарко, едва прикрытое зыбкой, влажной пеленой облаков, предвещающих скорый дождь. Стояла духота в воздухе такая, что казалось, будто даже волосы от неё постепенно намокают, а одежда тяжелеет, оттягивая плечи. Похоже, и сама Тана пожалела о том, что пришлось выбраться из детинца.

Они с Вышемилой прошли по усыпанной ореховой шелухой улице почти до стены городской, а там уж на торг вывернули. И тут же охватила ко всему прочему их суета здешняя – со всех сторон. И запахи: печива да пыли, стали, нагретой под Оком, и пота. То и дело слышались разговоры непонятные, хоть и знакомые. И с берегов южного моря заезжали сюда торговцы: оружие своё предложить, не столько в бою местным воинам привычное, сколько диковинное и украшенное дивно. Хоть и дорогим было оно, да охочие до него всегда находились: за них порой и золота-серебра отсыпали столько, сколько сам клинок весит вместе с ножнами. И ткани хитровытканные да окрашенные травами теми, что в здешних краях не растут, мелькали яркими пятнами то тут, то там. За ними-то и охотились порой девицы, у кого кошелек не пуст, кто мог позволить себе купить отрез: на рубаху праздничную – вышить да подол с рукавами и воротом после украсить. А то и на очелье в приданое. Боярыни с дочками

присматривались к перстням с диковинными самоцветами и в них, что сияли и переливались в лучах светила так, что аж слепило глаза. Но всё ж чаще ставили на Велеборском торге прилавки купцы, что на том же языке разговаривали. Лишь поговору да одежде можно было понять, с какой стороны прибыл.

Остановилась Вышемила у одного такого прилавка с обручьями широкими: бронзовыми да серебряными – женскими и мужскими, на солидную руку. В таких и княжичу не зазорно появиться. И смотреть бы на более тонкие – для девичьей руки предназначенные – а взгляд всё к ним возвращался. И мысль в голове расцветала всё яснее: Ледену бы подарок сделать. Вышемила потянулась даже за одним: украшенным ладными, выполненными явно искусной рукой узорами – и Тана тут же одёрнула её. Та глянула грозно, пресекая все возражения наставницы.

– Думаешь, вернётся к тебе? – прошипела та тихо, поглядывая на торговца, который наблюдал пока за ними молча. – А ты тут из кожи вон лезть станешь, стараться для него?

– А вот и стану! – огрызнулась Вышемила.

– На такую тонкую ручку надобно обручье поменьше, – заговорил вдруг молодой мужчина, что подошёл к ним сбоку и пока, кажется, сам лишь приглядывался к товарам.

Вышемила повернулась к нему гневно: и он туда же! Незнакомец улыбнулся сдержанно, отчего его дивного медового цвета глаза чуть сощурились, пустив от уголков в сто-

роны тонкие лучики добрых морщинок. Молод он оказался, сам, видно, не так давно женихом стал зваться. Но добротная, из заморской же ткани зелёная рубаха с щедрой вышивкой, обувка справная: не лычаки, не поршни, а сапоги крепкие – чтобы в дороге не износились быстро – выдавали в нём человека не такого уж и простого. А вот загар на лице гладком, почти юношеском, говорил, что под светом Ока ему приходилось бывать много. Стало быть, и сам купец или сын купеческий, что с отцом в путь отправился этой весной?

Окинул он ответным приветливым взглядом, отчего злиться на него совсем расхотелось – и взял с прилавка тонкое витое обручье, словно предложить его взамен выбранного собирался.

– А если подарок я выбираю? – прищурилась Вышемила, всё ж ещё сердчая на него за то, что в разговор с наперсницей вмешался.

– Отцу или брату? – обезоруживающе улыбнулся мужчина.

И как будто знал всё, а нарочно так говорил: поддеть пытался.

– Жениху, – твёрдо бросила она.

Тана только вздохнула и очи горе возвела. Не считала она, конечно, что Леден женихом подопечной приходился – вот и злилась. А незнакомец взглядом внимательным за ней проследил, отчего на щеках сразу жаром вспыхнул румянец, словно во лжи только что уличили. Вышемила даже ладонь

приложила невольно – и захотелось тут же уйти. Лучше уж в другом месте посмотреть украшение: верно, не только здесь продаются. Но обручье было до того красивое, что отойти прочь оказалось совершенно невозможным.

– А хочешь, подарю? – мужчина наклонился к ней ближе, и его хитроватое лицо теперь можно было рассмотреть лучше.

Короткая рыжеватая борода обрамляла твёрдо высеченный подбородок и слегка скрывала резкие скулы. Необычно тонкий нос выдавал в нём уроженца северных земель, что лежали ещё дальше и чуть западнее Зуличского княжества. Там много торговали с варягами на островах, да и кровь их, кажется, примешивалась к крови местных чаще, чем вдалеке оттуда.

– Вот просто так и подаришь? – покачала головой Вышемила, одёрнув себя наконец: уж больно рассматривает его пытливо. Как бы не возомнил чего.

– Нет, конечно, – усмехнулся тот. – Только если имя своё назовёшь.

Торговец, что наблюдал за всем уже с явным интересом, прислонившись плечом к опоре прилавка, только хмыкнул громко и руки на груди сложил. Даже Тана притихла, почти что дыхание затаила, не пытаясь вмешаться. И по лицу её блуждало странное выражение: будто ждала чего-то.

– Вот прямо это обручье и подаришь? – Вышемила указала на выбранное. – То, которое я жениху своему приглядела?

И надо тебе тратиться на незнакомого человека?

– Очень уж имя твоё узнать хочу, – мужчина улыбнулся шире. – Да и человек тот, видно, хороший, раз такая красавица подарок ему выбирает и перед наставницей своей его отстаивает.

Она призадумалась крепко. Не всякому, конечно, хочется имя своё называть – для того хоть толика доверия в душе должна быть. Но разгорелось в груди чувство такое, когда на любую шалость или смелость пойти хочется. Аж распирает. Да и ничего дурного, кажется, незнакомец не таил.

– Вышемилой меня кличут, – ответила она, решившись.

И ладонь раскрытую протянула нарочито требовательно, улыбаясь мужчине в ответ. Пусть уж за слова свои, неосторожно сказанные, отвечает.

– А меня как зовут, узнать не хочешь? – тот опустил взгляд на её руку и поднял вновь.

– Такого уговора у нас не было. Зачем мне твоё имя? – она пожала плечами.

– Тоже верно, – он покачал головой, а после повернулся к торговцу. – Дарко, заверни девушке то обручье, которое она выбрала.

Торговец цыкнул, поглядывая на него с притворным укором, но полез под прилавок и достал небольшой холщовый мешочек, в который и опустил украшение – да тесьму затянул.

– Перед батюшкой как за обручье будешь оправдывать-

ся? — хмыкнул, не сдержав всё ж улыбки.

— Разберусь, — тот махнул рукой беспечно и принял от него мешочек, после чего только протянул его Вышемиле.

Стало быть, не ошиблась, сын купеческий. То-то он так смело решил подарок сделать всего-то за имя одно. Она с сомнением посмотрела в его тёплые глаза, а после невольно — на Тану, которая губы кривила, надо сказать, не слишком-то довольно. Кабы за косу не отдёргала после.

— Хороший ты человек, наверное, — проговорила уверенно. — Да всё ж негоже, чтобы так. Сколько просишь за него?

— Подарок это, — настоял на своём купчич. — Денег за него не приму и Дарко по рукам надаю, если возьмёт.

И таким голос его стал серьёзным, что и совестно теперь отказываться: сама в игру эту ввязалась. Вышемила вздохнула глубоко и мешочек с тяжёлым обручем в нём приняла.

— Так как тебя зовут? — взглянула чуть исподлобья — ведь правда, интересно стало.

— Зареславом зовут, — он ещё чуть помедлил, прежде чем отпустить подарок из пальцев. — Надеюсь, как будешь ты видеть это обручье на запястьи своего жениха, так и обо мне иногда ненароком вспомнишь.

Снова жар по шее вверх бросился: и верное ведь. Невольно станет оно напоминать о случае этом коротком и необычном. Да только что ж плохого в том? В сердце её всё равно Леден один, Ледок её. А этот улыбчивый купчич забудется со временем. Как бы ласково сейчас ни улыбался, как бы лу-

каво ни посматривал, радуясь, что удалась его проказа.

– Всего тебе доброго, – торопливо бросила она, отворачиваясь.

Как бы сбежать теперь поскорей. И упёрся тут же в спину взгляд мужчины любопытный. А встретил укоряющий – Таны. И обручье это сразу потяжелело в ладони. Ох, не надо было соглашаться на вздор такой! Не иначе, околдовал её купчич окаянный, заморозил взглядом своим. Да теперь уж на попятный и вовсе идти глупо. Вышемила крепче сжала мешочек и пошла прочь, махнув рукой Тане, чтобы не отставала.

– Ох и наторгуешь, коли обручья станешь всякой девице пригожей дарить, – не слишком громко, да всё ж так, что расслышать удалось, упрекнул Дарко Зареслава.

А тот лишь хмыкнул в ответ.

– Не всякой... – бросил.

До самого детинца Вышемила встречу эту в мыслях, словно камешек гладкий, перекатывала. И странно от неё становилось, и злость жгучая на себя саму разбирала. Вот уж приготовила Ледену подарок, другим мужчиной подаренный – хоть выбрасывай теперь. Да жалко красоту такую!

Но только вошли с Таной в ворота распахнутые – сразу всё пустое позабылось: пахло ещё пылью, поднятой копытами, ещё не все кмети разошлись со двора, спешившись. Вернулась Зимава. В груди так всё и обдало полынной горечью: не успела Ледена дождаться.

Но и это разочарование вдруг отступило, как увидела Вышемила сестру, которой Эрвар помогал с повозки спуститься: и она это была, и кто-то другой будто. Словно не живой человек наземь сходил, а утопленница омертвевшая давно, бледная почти до синевы. И двигалась она медленно, нарочито плавно, словно боялась что-то внутри расплескать. Или разбиться на мелкие черепки от неосторожного взмаха руки да шага резкого. Варяг заглядывал тревожно и виновато в её лицо. Что-то спрашивал тихо. Да она как будто и не слышала его.

Вышемила быстрее пошла – встретить её, спросить, что такое случилось. Неужто обманул Чаян, не позволил с сыном встретиться, а то и что худое ему причинил? Старший Светоярыч всегда казался мужем хоть и приветливым, но и жестоким тоже, твёрдым, что берёза северная. От него многих бед ожидать можно, хоть и мягко стелет он порой. Но стоило только подойти к сестре, как взмахнул рукой Эрвар, останавливая молча – и Вышемила как к месту приросла. Зимава повернулась так, будто шею ей продуло, глянула отрешённо и дальше в терем пошла.

Осталось лишь взглядом её проводить. Да как узнать, что стряслось, если варяг и слова сказать ей не даёт?

Вышемила вместе с Таной в горницу вернулись. Она спрятала обручье в ларец и на полку убрала. Наперсница тоже казалась озадаченной нерадостным настроением Зимава, да узнать о том, что в такую печаль её повергло, оказалось не у

кого. Кмети, что сопровождали её, молчали, сколько ни допытывайся, а потому даже бабы вездесущие только догадками и маялись. Так и обедня наступила скоро, но сестра к ней не вышла. Попыталась было Вышемила отыскать Эрвара, да тот, оказывается, всё у Зимавы был: его одного она видеть желала теперь. Даже челядинкам не удавалось в горницу к ней попасть. И что уж о них говорить: и Оляна в стороне отсиживалась да скрывала всё, как и остальные.

Муторно становилось на душе чем дальше, тем сильнее. Но всё ж день не прошёл ещё, как подруга сестрина к себе Вышемилу позвала, в хоромину свою небольшую и чисто убранную всегда – пососедству с княгининой. Как вошла – Оляна махнула рукой на стол, где стоял кувшин, накрытый рушником, да кружки, от которых пар шёл, извиваясь тонкими, словно волоски, змеями и пропадая. По запаху понять можно было: отвар травяной с мятой. Чтобы спалось лучше. Стало быть, вести недобрые и правда, раз о спокойствии боярышни Оляна озаботилась. Вместе они сели на скамью. Женщина помолчала ещё немного, крутя свою кружку и глядя куда-то в недра её.

– Ты к Зимаве лучше не ходи пока, – заговорила тихо. – Не знаю я, что с ней дальше будет. Горе большое. Радана убили...

Вышемила так и поперхнулась отпитым отваром, словно кипяток проглотила, хоть и был он только чуть горячим.

– Остёрцы убили? Обманул Чаян?

Да, признаться, удивляться тому не приходится. Зимава, говорили, много дел натворила из-за тяги своей к княжичу. И Елице вредила, судачили, хоть сама княгиня в том не признавалась, конечно. И Ледена, может, извести пыталась – для чего Эрвар варягов созвал тайно, чтобы напали на него – но в то верить совсем уж не хотелось. Вышемила ни в чем её винить не могла, потому как не знала точно, хоть и вовсе не удивилась бы, найдись вдруг подтверждение всем людским толкам.

– Может, остёрцы. Может, и свои... – пожала плечами Оляна и тоже отпила из кружки своей, морщась, словно гадость какая-то там была. – Схватка случилась. Княжича хотела она отбить и в Велеборск вернуть. А там... Кто его знает, что делать собиралась. Она как узнала, что Чаян-то к Елице ластится, так сама не своя стала. Я говорила ей: вздор придумала вместе с Эрваром своим. Так вот...

Женщина вздохнула, махнув рукой сокрушённо.

– И что же? Тело ей не отдали, получается? – Вышемила сложила руки на коленях, не зная даже, куда их деть.

Хотелось ёрзать на месте, словно тревога вспыхнувшая во всё тело разом иголками впивалась. И сердце колотилось так глухо, тяжело: жалко было Радана жуть как. И в голове мысль о смерти его не укладывалась – всё ворочалась, будто жернов мельничный пустой.

– Не отдали, – Оляна глянула в окно, что впускало в горницу тихие звуки со двора.

Там почти никого и не появлялась сегодня, хоть и пытались дружинники да челядь вести себя, как обычно. Да и они чувствовали недоброе, а потому показывались на глаза гораздо реже, словно испугнуть боялись ещё большее лихо.

– Так что ты Зимаваин порог не обивай пока. Она не в себе теперь дуже, – продолжила женщина. – Как весть эту Эрвар принёс, она и слова больше никому не сказала. И мне даже. Так вот и ходит только рядом с ним. С ним, может, и говорит о чём-то. Взгляд у неё сейчас... страшный.

Смотрела Зимава и правда теперь совсем уж безумно. И спокойно, кажется, и в то же время понятно становилось, что в душе её сейчас пустота неизбывная. Не знала, конечно, Вышемила, что значит сына терять. Но и представить могла, какая боль терзает сестру.

Придёт ли в себя теперь?

– И что мне делать? – она снова взглянула на Оляну, своим вопросом заставив ту вздрогнуть. – Зимава велела мне домой возвращаться, как только приедет она вновь в Велеборск. А сейчас... Как оставить её?

– Стало быть, возвращайся, раз велела, – в голосе женщины прорезалась знакомая твёрдость, которой она, верно, набралась от Зимавы. – Ждать тут нечего. Не нуждается она в тебе. Иначе позвала бы. А как, может, разрешится что, так и пришлю тебе весточку в Логост.

– Что ж я родителям скажу? – забилась в груди тупая, словно обух топора, паника.

Ведь отец, как узнает, что стряслось с дочерьми обеими – неведомо что с ним самим станет. А уж что о матушке говорить, хоть та порой и проявляла стойкость поболее него. Что у Зимавы, что у Вышемилы, жизни под откос пошли, и только теперь гадать остаётся, чья быстрее с самую пучину скатится. Если Леден не приедет в Логост свататься, то выйдет всё совсем нерадостно. Одна на него надежда.

– Скажешь, как есть, – Оляна отставила наконец кружку с совсем уж остывшим отваром и встала. Прошлась по хорошине тесноватой, размышляя о чём-то. – Может, и Зимаве лучше будет домой вернуться, как возвратится сюда Елица. Не будет им жизни бок о бок спокойной. Думается мне, во много она княженку винить будет.

Больше и добавить к тому было нечего. Вышемила посидела ещё немного, а там к себе вернулась, под присмотр Таны. И надеялась всё же, что сестра пожелает с ней увидеться, но в горнице её как будто и вовсе никого не было – такая тишина стояла.

Пришлось на следующий день и сборы в дорогу начать. Отправили гонцом в Логост кметя из тех, что на пути в Велеборск сопровождали, чтобы родичей предупредил. Время им, видно, понадобится, чтобы к вестям худым подготовиться. Свыкнуться с тем, что жизнь младшей дочери в столице не сложилась пока.

На другое утро уж и выезжать всё было готово. Свежий ветер, чуть сырой после ночного дождя, пригибал к земле

чахлую траву, что островками росла во дворе, почти напрочь вытоптанная. Ещё моросило тихо, но небо на западе уже очищались помалу, рисуя над окоёмом, изрезанным башнями городской стены, прозрачно-голубую полосу. Стояла во дворе повозка, толклись воины из отцовской дружины, обсуждая тихонько грядущую дорогу назад. Наблюдала за всем с крыльца Оляна, словно хотела хоть как-то заменить собой сестру, которая так и не попалась ни разу на глаза, ни слова не передала хотя бы через Эрвара своего. Вышемила всё поглядывала на терем, пока садилась в телегу, с ожиданием и упрёком, наверное. Уж как можно было подумать, что настолько окажется она не нужна Зимаве. Будто была Радану чужой. Хоть и любила с ним гулять да играть, когда в гости приезжала или когда сестрич её маленький наведывался в Логост с нянькой – увидеть бабушку да дедушку.

Так и выехала Вышемила из ворот, покачиваясь на мягко устланном сидении повозки – лицом к терему, к детинцу, который всё отдалялся, словно таял в перестуке колёс по мостовой. А после – и к Велеборску самому. Только череп тура, всё такой же грозный и безразличный ко всем, кто приезжал в город и покидал его, смотрел протяжно вослед. И стояли ещё долго перед взором его глазницы чёрные, как пропал он из виду. Осталась за толстыми стенами Зимавы, такая далёкая теперь не потому что разделяли их долгие вёрсты, а потому что, как приехала Вышемила в дом её, так и ни разу тепла сестринского не ощутила, что исходило бы от неё. И

не могла теперь понять, когда случиться могло, чтобы так их жизнь разделила – словно по разным берегам широкой холодной реки кинула.

Одно грело сейчас: обручье в ларце, что уложен был в сундук. Предназначалось оно для того, кого полумертвяком звали за стужу, которую он в сердце нёс. Но который оказался с Вышемилой гораздо приветливей и ласковей многих. И взгляд сам собой скользил то и дело по всадникам, что ехали рядом с повозкой, словно увидеть пытался в лицах их черты остёрского княжича – хотя бы отдалённо.

Потянулись недвижимым частоколом леса, то истончаясь, становясь прозрачнее, то уплотняясь, словно колосья в снопе так, что и проехать, кажется, через чашу эту никак нельзя, если и захотелось бы. Иногда распахивали они будто врата широкие – и открывался простор ветренный то с одной стороны дороги, то с другой: нивы зеленеющие, залитые светом Ока, отчего казались они полотнищами, окрашенными пижмой. И плыли над ними облака, то крутобокие, пухлые, перекатываясь, толкаясь и пряча за собой светило – да не надолго. То, словно вытянутые из Макошиной кудели пряди, почти не заметные, тающие. Только и оставалось порой в дороге, что в небо смотреть, к счастью, нынче благосклонное, будто сам Сварог решил Вышемилу до отчего дома проводить и детей своих усмирить, чтобы не случилось никакой в пути заминки. И незаметно так случилось, что показались уж впереди стены Логоста, тесные да невысокие – это после

Велеборских-то! И даже сердце защемило: и от радости, что отца с матерью увидеть вскоре доведётся, и печалью смутной. Покидала она дом с такими чаяниями светлыми, что хоть со всеми вокруг делись. Но померкли они все за время жизни в Велеборске и теперь только тени от них, точно сажи разводы, остались.

Логост жил, как и всегда, как помнила Вышемила с детства самого. Казалось, что и здесь должно измениться что-то, как поменялось в душе её, но нет: никто о тревогах её не знал, а стенам бревенчатым, на долгие зимы построенным, всё равно. Они вмещали в себя переживания всех людей, кто жил под их защитой.

Во дворе детинца, почти игрушечном теперь на взгляд Вышемилы, пока никто не встречал. Но сразу прыснули, словно кузнечики из-под ног, отроки к терему, как увидали вернувшуюся боярышню.

И не успела ещё Вышемила в дом подняться по всходу, как вышла навстречу мать. И ничего они друг другу не сказали: только обнялись. И лишь от этого уже стало понятно, что Ранрид обо многом догадывается. Вряд ли добрый случай вернул бы дочь домой, когда было наказано ей рядом с сестрой оставаться.

Накрыли скоро обедню, но оказалось, что отец на ней так и не появился. Увели его вновь дела важные прочь из Логоста, и должен был он появиться со дня на день. Жалко было: хотелось его увидеть, человека самого близкого и теплого – с

детства самого. Жалиться ему, конечно, Вышемила не стала бы о недоле своей, да и просто встретить участливый взгляд Чтибора было бы теперь хорошо.

Обо всём матушке она в тот же день рассказала, сидя в её горнице, наполненной родным, знакомым запахом лучин и отвара кожевенного: как та любила. Ранрид опечалилась крепко: это Вышемила умела замечать даже по её невозмутимому чаще всего лицу. Другой бы сказал, что не тронули дурные вести души боярыни, но дочь знала наверняка, как сильно её сейчас кольнуло болью и тревогой за Зимаву. О себе Вышемила пока ничего говорить не стала. То ли совестно было самой за себя, то ли просто неловко омрачать мысли матери ещё больше.

Дня не прошло, вернулся и отец да собрал всех домочадцев в трапезной: привёз с торго и вина кувшин: дорогого, но на диво вкусного – словно само в горло льётся. Не знал, что вести его здесь ждут вовсе нерадостные. Матушка сразу обо всём ему поведала: ещё Вышемила с ним свидеться не успела. Больно рано возвратился: лишь светило взошло. Какой отклик горе Зимавы в его душе нашло – ведь внука он, вестимо, очень любил – никто не узнал в доме. Словно боярин скрыть всё это хотел. Да всё за обедней и выяснилось.

Мрачнее он оказался самой глухой чащи. Встретил Вышемилу взглядом тяжёлым и разочарованным. Сухо поздоровался, словно первый раз в жизни был не рад её видеть. Она, робко поглядывая на мать – отца приходилось видеть таким

совсем нечасто – села напротив него и тут же взор опустила.

– Видно, братья остёрские, принесли с собой недолю большую на эти земли. И людей, что с ними столкнулись, ею наделили, – заговорил Чтибор после долгого и тягучего молчания. – Вот и Зимава...

Он взглянул на Вышемилу исподлобья, будто и она к тому оказалась причастна.

– Зря ты на них... – попыталась было она заступиться, но мать глянула на неё так, что все слова тут же застряли в горле.

– А ты помалкивай лучше, – добавил Чтибор. – Думаешь, нравится здесь кому-то, что Светоярычи эти в княжестве хозяйничают? Что они Зимаву и Елицу страшат? Да пока вынуждены мы молчать. Косляки нас треплют, да и остёрское войско ещё не делось никуда. Но только на надо защищать их. Коль я считаю, что они горе за собой несут, то ты уж никак этого не изменишь.

– Они не такие уж плохие. Я знаю, – упрямо возразила Вышемила. – Я две луны рядом с ними прожила. А Зимава... Она...

– Вот пожила, и хватит, – перебил отец. – Лучше бы и не отправлял тебя туда. Мне уж Тана обо всём рассказала, что приключилось с тобой, – Вышемила только и открыла рот да закрыла вновь. Чтибор зубы стиснул, не сводя с неё пытливого взгляда. – Что скажешь на это? А я ведь не просто так уезжал. Жениха тебе сыскал хорошего. Да только как прика-

жешь теперь перед ним оправдываться за то, что невинной ты должна быть, а оказалось...

— Как будто я в том виновата! — вспылила наконец она, вставая, да отец рукой махнул резко, приказывая снова сесть — и пришлось повиноваться.

— Ты виновата, а кто ж? — сказал он уже спокойнее. — Что с княжичем спуталась. Оттого и беды.

Вышемила только прикусила губу, чтобы тут же не расплакаться. С сочувствием смотрела на неё матушка, но молчала пока, не вмешивалась, а отец, кажется, готов был в пыль её размолоть за то, что не по её вине-то и случилось.

— Он приедет за мной, — сказала тихо. — Я уверена.

— Вот, коли приедет, там и думать будем. Если не опоздает, — хмыкнул Чтибор. — А пока ты к мысли привыкай о том, что замуж скоро выйдешь. Не позже, чем по осени. Объявится твой княжич или нет, а я попытаюсь Белояра уговорить, чтобы женщиной они тебя взяли в свой род. А жених — Любор скоро и со сватовством приедет. Ты же знаешь его.

Конечно, она знала Любора, сына боярина Истопского — Белояра. Виделись они и в детстве частенько, а после и по юности, случалось. Да только разве она подумать могла, что однажды тот мужем ей стать вознамерится. Отец с договорами такими не слишком-то торопился, всё приглядывался к тем, кто женихом мог стать для дочери молодой, обручать её раньше времени не хотел. А тут на тебе — за несколько дней всё решил, словно поскорее дело это завершить приду-

мал. Не иначе о том, что с Вышемилой в Велеборске случилось, узнал он раньше её возвращения. Да только разве признается, разве выдаст теперь того, кто всё ему рассказал?

– Думается, меня ты и спрашивать не станешь, хочу ли я, и кому моё сердце отдано? – Вышемила отодвинула от себя миску, где уж остыли свиные почки с горохом и сметаной приготовленные, и снова взор на мать обратила, ожидая хотя бы её понимания.

– Хватит перечить. Коли отец так сказал, так и будет, – приговорила та да не то, что хотелось. – А против рода своего пойдёшь, тебе только хуже станет. Ни люди, ни Боги тебя не поддержат. Встречала я твоего Ледена. Красивый он и сильный воин. Да только... лучше тебе за Любора пойти.

Вышемила больше ничего слушать и не стала. Не успокоил её ровный и спокойный, что неспешный вечерний ветер, голос матери. И строгий взгляд отца не вызывал в душе робости. Наоборот – ещё сильнее наперекор им пойти хотелось. Она встала и, не слушая резких откликов в спину, вышла из трапезной и к себе направилась.

Там она и просидела почти до вечера самого, размышляя, что же дальше ей делать, да как не выйти замуж за того, кто ей вовек не сдался, хоть парнем был и неплохим. Да пока ничего не придумывалось толкового.

От лютой головной боли её спасла только челядинка, что прибежала из небольшой веси Быстрянки, лежащей подле Логоста – почти у стен его. Пришла она из дома старосты Ду-

бовы, с дочкой которого Даринкой она водила давнюю дружбу. Холопка и передала просьбу прийти нынче в беседу к де-вушкам, повидаться с подругами, надолго оставленными. И, не сказав о том ни Тане, от которой улизнуть удалось, нарочно не предупредив ни отца, ни мать, Вышемила отправилась прочь из детинца, который стенами своими будто раздавить её норовил.

Девушки оказались рады видеть её. Долго они просидели, неспешно вытягивая из куделей нитки. И разговоры всё нынче текли в беседе незамысловатые, но тёплые, от которых словно всё тело отдыхало.

Ночевать Вышемила осталась у Даринки. Солгать пришлось матушке её и отцу, что Чтибор и Ранрид о том знают. Укрылись они в закутке девичьем, лежали обнявшись и говорили ещё долго, пока сон не сморил. Да только о Ледене слова всё как-то и не пришли: не хотелось ни перед кем, даже перед подругой давней, о княжиче остёрском говорить, словно любой мог разрушить неосторожно чаяния о нём.

Но ещё не отступила мутная туманная ночь, не пролились первые лучи светила в окно, как раздался снаружи страшный шум. Проснувшись, Вышемила не сразу поняла, что это. Только через мгновение, сев на лавке и прислушавшись, различила людской гомон. И вдруг полыхнуло вдалеке, словно огонь Перунов, да не холодный, как блик на клинке, а горячий, жаркий – пожар. Загрохотало что-то, послышался посвист лихой и страшный в этой тихой ещё мгновение на-

зад ночи. Словно вздрогнули синие предрассветные сумерки. Вышемила встала, отодвинула волок шире, потревожив еще сонную Дарину – и бросился в хоромину запах гари; голоса и выкрики стали громче.

Где-то занялся уж пожар – и отсветы его оранжевые дотягивались до серёдки веси.

Вскочил первым староста Дубова, оделся скоро, а переполошенным женщинам велел в избе оставаться, не покидать её, коли надобности не будет.

– Косляки? – спросила его жена – Лияна – почти обыденно.

Ведь не первый раз нападают, а особенно после этой зимы. К такому, конечно, не привыкнешь, но что-то со временем в душе словно успокаивается, не вызывает уже той страшной паники, которая терзала поначалу и выметала мигом из головы все мысли, кроме одной: “Что делать?”

Староста прихватил оружие, что было у него: меч ещё дедовский да топор увесистый.

– Они, кто ж ещё.

– Может, уйти всё ж надо? – Вышемила принялась одеваться, не сидеть же в сорочке одной, ожидая неведомо чего.

– Много их нынче, похоже. Вон как шумят. Коль подбираться близко станут, уходите в лес. А пока тут безопаснее. Может, остановим ещё, – Дубова последний раз окинул женщин взглядом и вышел.

Но скоро понятно стало, что изба, её толстые стены не за-

щитят. Лияна начала и вещи кое-какие в узелок собирать. Младшая и помогать ей пыталась, да мешала только больше. А Дарина и вовсе в оцепенение страшное впала. Казалось, и с места её теперь никак не сдвинуть. Ор страшный стоял кругом, лязг, громохание, словно гроза надвигалась, и казалось, что даже в избу струится уже запах пыли, поднятой копытами лошадей, и крови.

Вышемила и думала, как поступить лучше. Жалела, что так долго они выжидали, время теряли здесь. И страшно было от того, что до детинца теперь не доберёшься: на улицах суматоха и косяки, которые шарили уже по всем избам подряд. Да делать нечего. Если тут оставаться, то ждёт их верная гибель, а то и полон – тут уж не поймёшь, что хуже.

– Уходим, скроемся в лесу, а там переждём, – уговаривала Вышемила подругу.

Да ту словно ужас сковал страшный, пришлось её едва не силой одевать и за руку тащить прочь из избы. Уже и мать её остальных детей собрала: никто здесь оставаться и ждать косяков не собирался. А отец Дарины, как и все способные сражаться мужи, теперь в самой гуще схватки. Хотелось бы думать, что вернётся.

Скоро все они выбрались во двор, огляделись, прислушиваясь к отдалённому, но неизбежно нарастающему шуму. Повела всех за собой Лияна, поддёргивая за руку младшего сына. Уходили тропой знакомой: бывало, случались такие налёты, что тоже укрываться приходилось. И спокойна она

была, словно в лес по грибы или ягоды отправилась. Коли все начнут суетиться и от страха, как Даринка неметь, то ничего толкового, конечно, не выйдет.

Вышемила глянула только в сторону Логоста, который, казалось бы, неприступной громадой, стоял вдалеке – будто скала чёрная на фоне светлеющего перед рассветом неба.

– Ох зря ты вчера в гости к нам наведалась, – покачала головой Лияна, посматривая на неё. – Было бы теперь тебе спокойнее за стенами детинца.

– Было бы, – согласилась та. – Может, можно ещё туда добраться? И вы скрылись бы.

Женщина тоже оглянулась на город, головой покачала.

– Далеко слишком. Может, косяки уже там, у стены собрались. Нынче очень их много.

И Вышемила дальше не стала спорить и уговаривать – споры только могут задержать. Скоро миновали околицу, обойдя самую яростную сечу закоулками и заросшими тропками. Издалека видно стало, что занялись уже в веси пожары – со всех сторон: косяки отовсюду сразу налетели, словно вороны. А пока долетит весть до Логоста, пока подоспеют кмети сюда – то и поздно может стать – особенно, если не закрутит их необходимость город защищать, ведь нынче косяки были настроены серьёзнее обычного.

И такая тревога сковала нутро: за отца и матушку, будто они оказались в самой большой опасности, а не Вышемила, которая бежала прочь, чтобы хоть в чаще укрыться. Видела

она вдалеке тёмны фигурки и других селян, которые тоже не желали в руки косякам попасть. Все они двигались в сторону полосы леса, кто поодиночке, кто сбившись гурьбой – и все пропадали в глубокой тени деревьев. Да только не успели ещё и близко подобраться к укрытию, как визги страшные и крики кинулись навстречу – оттуда, где ждало, кажется, спасение. Лияна встала, схватившись за сустргу плаща, не зная, что и делать теперь. Вышемила, продолжая подругу за руку держать, едва в спину её не ткнулась, не успев вовремя остановиться.

Ещё мгновение стояли они, слушая собственное рваное дыхание и тишину, натужную, звенящую, как снова взметнулись высокие женские голоса в отчаянном ужасе – и из леса выехали всадники, да вышли пешие. Тут даже издаля поймёшь, что не свои. Черноголовые, словно смолой облитые, скуластые. Они гнали коней, будто через широкий овраг прыгать собирались. Лияна развернулась и помчалась прочь.

– Скорее, пока не заметили! Спрячемся там, – она указала на негустой островок деревьев чуть в стороне.

Но они не успели. Медленно поднялось над палом широким, что лежал под ногами, Дажьбожье око. Самым краешком, кажется – но бросило косые лучи по траве, по лядине зелёной от всходов. И осветила фигурки бегущих в ужасе женщин так ярко, что косяки тут же загикали, слегка поворачивая в их сторону. Накрыл плотным пологом глухой топот приближающихся всадников.

Их окружили быстро. Вышемила остановилась, поняв, что не прорваться, хоть лесок спасительный был уже совсем близко – всего в нескольких саженьях впереди. Даринка взвизгнула, до боли впиваясь пальцами в её руку. Всадники нависли, разглядывая добычу насмешливо и отрывисто переговариваясь на своём языке. Наверное, так и хорошо – не знать его. Но, судя по лицам, говорили они что-то похабное и просматривались всё, решая что-то. А стоило лишь дёрнуть-ся прочь – в просвет между ними – как они сомкнулись плотнее. И закружили неспешно, заставляя женщин жаться друг к другу. Подоспели и пешие скоро, собрались полукругом, обсуждая между собой новых пленниц – это уж можно было понять по тому, как глядели. Лица их приплюснутые будто, казались жёлтыми в рассветных лучах, а в маленьких глазах почти не отражалось света, и потому казались они тёмными, хоть такими и не были. Первый раз Вышемила видела косляков так близко, а надеялась, что такого не случится никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.